

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-2-7

Кузьминых Александр Леонидович
Доктор исторических наук, профессор
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
(Вологда, Россия)
ORCID: 0000-0001-6133-0300
istorial@mail.ru

Kuz'minykh, Alexandr
Doctor of Historical Sciences, Professor
of Vologda Institute of Law and Economics
Federal Penitentiary Service
(Vologda, Russia)
ORCID: 0000-0001-6133-0300
istorial@mail.ru

**Военнопленные в Архангельске:
история Соломбальского лагеря НКВД-МВД № 211***

**Prisoners of War in Arkhangelsk:
History of the Solombala Camp of the NKVD-MVD No. 211**

Аннотация. В статье на основании обширного комплекса источников официального и личного происхождения исследована история Соломбальского лагеря НКВД-МВД № 211 для военнопленных и интернированных. Наибольшее внимание уделено анализу формирования лагеря, организации режима и охраны военнопленных, их жизнеобеспечения и трудового использования, политической и культурно-массовой работы. Автор приходит к выводу, что важнейшей причиной формирования лагерей военнопленных на Архангельском Севере была потребность местной экономики в рабочей силе. Труд военнопленных использовался в целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, судостроении, сельском хозяйстве. Несмотря на неблагоприятные природно-климатические условия Архангельского

* Для цитирования: Кузьминых А.Л. Военнопленные в Архангельске: история Соломбальского лагеря НКВД-МВД № 211 // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 538–610. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-2-7

For citation: Kuz'minykh, A. "Prisoners of War in Arkhangelsk: History of the Solombala Camp of the NKVD-MVD No. 211." *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 2 (2020): 538–610, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-2-7>

© Кузьминых А.Л., 2020

© Kuz'minykh A., 2020

Севера, сотрудникам лагеря удалось сохранить жизнь и здоровье большинству военнопленных и обеспечить их возвращение на родину.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Архангельская область, лагеря военнопленных.

Abstract. Based on a wide-ranging set of sources of official and personal origin, the article explores the history of the Solombala Camp No. 211 of the NKVD-MVD for prisoners of war and internees. Most attention is paid to the analysis of the foundation of the camp, the organization of the regime and protection of prisoners of war, their live support and labour use, as well as political and cultural work. The author concludes that the most important reason for the foundation of prisoner-of-war camps in the Arkhangelsk North was the need for labour in the local economy. The labour of prisoners of war was used in the kraft pulp and timber processing industries, shipbuilding, and agriculture. Despite the adverse climatic conditions of the Arkhangelsk North, the camp staff managed to preserve the life and health of most prisoners of war and to ensure their return to the homeland.

Keywords: Second World War, Arkhangelsk Region, prisoner-of-war camps

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера России)».

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 18-09-00554 “Internal Affairs Agencies in the Context of Relations between the Government and Society of Russia in the 20th Century (Based on Materials from the European North of Russia).”

В годы Второй мировой войны и после ее окончания через советский плен прошло свыше 5 млн чел. История «архипелага ГУПВИ», как нередко исследователи образно именуют Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-СССР, получила осмысление в работах И.В. Безбородовой, В.А. Всеволодова, В.П. Галицкого, М. Джусты, А.Е. Епифанова, С. Карнера, Е.Л. Катасоновой, В.Б. Конасова, С.И. Кузнецова, Н.С. Лебедевой, А. Леманна, П.М. Поляна, С.Г. Сидорова, Д.Д. Фролова, А. Хильгера, Э. Шерстяной и других историков¹. На территории постсоветского пространства активно раз-

¹ *Безбородова И.В.* Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. – Москва: РГГУ, 1998; *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). – Москва: Московский издательский дом, 2010; *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). – Москва: Грааль, 1997; *Джусты М.Т.* Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954 / под редакцией

вивается региональная историография истории советского плена и интернирования².

М. Талалая; перевод М. Талалая. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010; *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР). – Москва: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999; *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. – Москва: Институт востоковедения РАН; Крафт +, 2003; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996; *Кузнецов С.И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). – Иркутск: Сибирь, 1997; *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы): монография. – Вологда: Древности Севера, 2016; *Лебедева Н.С.* Катюнь: преступление против человечества. – Москва: Прогресс, 1994; *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – Москва: ОГИ–Мемориал, 2001; *Попов А.Б.* Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2000; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001; *Цунаева Е.М.* Учреждения военного плена НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010; *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – Хельсинки: RME Group Oy; Санкт-Петербург: Алетейя, 2009; *Dähler R.* Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten. – Wien; Berlin: LIT, 2007; *Frieser K.-H.* Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee “Freies Deutschland”. – Mainz: Hase&Koehler Verlag, 1981; *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. – Essen: Klartext-Verlag, 2000; *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. – Wien; München: Oldenbourg Verlag, 1995; *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München: Beck, 1986; *Scherstjanoi E.* Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten. – Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010.

² *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). – Владивосток: Дальневосточный университет, 2002; *Букин С.С.* Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. – Новосибирск: Наука-центр, 2005; *Вавулинская Л.И.* Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013; *Долголюк А.А., Маркдорф Н.М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). – Москва: Кучково поле, 2016; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...»: очерки и документы: в 2 ч. Ч. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). – Вологда: [Б.и.], 2009; *Потильчак О.В.* Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). – Київ: Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, 2004; *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006; *Чайковский А.С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные на Украине 1939–1953 гг.). – Киев: Парламентское издательство, 2005; *Шарков А.В.* Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. – Минск: Тесей, 2003.

В отличие от других регионов бывшего СССР, историю пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны на Архангельском Севере можно с полным основанием отнести к числу малоизученных. Отдельные аспекты истории плена и интернирования на территории Архангельской области получили отражение в публикациях В.И. Коротаева, Т.Ф. Мельник и автора настоящей статьи³. Целью данной статьи является комплексный анализ процесса формирования и функционирования крупнейшего лагеря для военнопленных и интернированных на территории Архангельской области – Соломбальского лагеря НКВД-МВД № 211. В основу статьи положены архивные документы из центральных и местных государственных и ведомственных архивов, а также источники личного происхождения.

Лагерь для военнопленных под номером 211 был организован на основании приказов НКВД СССР № 00869 от 21 июля 1944 г. и Управления НКВД по Архангельской области № 0067 от 7 августа 1944 г. для использования военнопленных на предприятиях Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности. Начальником лагеря, рассчитанного на 5 000 чел., был назначен подполковник госбезопасности А.С. Черепанов, ранее занимавший должность заместителя начальника Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Кемеровской области (позднее начальником лагеря стал подполковник госбезопасности Н.Д. Дубовой), заместителем начальника – старший лейтенант госбезопасности Ф.А. Гневашев⁴.

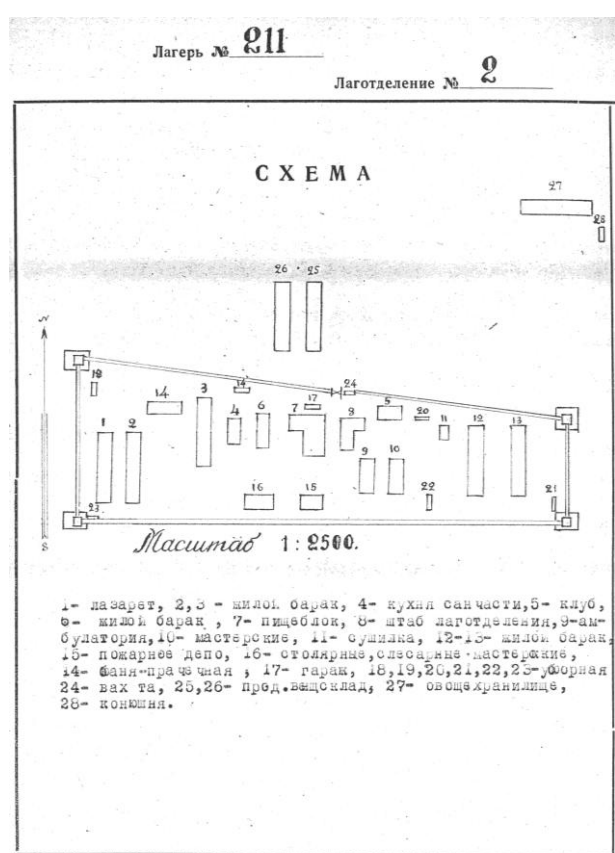
Управление лагеря расположилось в поселке имени В.М. Молотова Соломбальского района Архангельска, по адресу: ул. Индустриальная, дом № 7⁵. В структуре лагеря были сформированы два лагерных отделения. Первое лагер-

³ *Коротаев В.И.* Проблема выживания военнопленных в советских лагерях. На примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 4. – С. 11–18; *Коротаев В.И.* Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 гг. на примере лагеря № 211 // Вестник Поморского университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 18–26; *Кузьминых А.Л.* Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Москва: РОССПЭН, 2017; *Кузьминых А.Л., Мельник Т.Ф.* Военнопленные в Молотовске: 1944–1948 годы // Поморский летописец: альманах. Вып. 2 / составитель В.А. Вольнская; под редакцией В.Н. Булатова. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009. – С. 267–287; *Кузьминых А.Л.* Особенности формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена и интернирования в Архангельской области (1944–1948 гг.) // Исторический ежегодник. 2012: сборник научных трудов / главный редактор А.Х. Элерт. – Новосибирск: Параллель, 2012. – С. 265–288.

⁴ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 1а.

⁵ Справка по организационным вопросам работы ОПВИ УНКВД Архангельской области, подлежащим уточнению и решению в ГУПВИ НКВД СССР от 5 ноября 1945 года // РГВА. – Ф. 8/п. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 84.

ное отделение (на 3 000 чел.) располагалось на базе 6-го участка Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний областного УНКВД при Соломбальском сульфат-целлюлозном заводе (Соломбальский р-он г. Архангельска), второе (на 2 000 чел.) – на базе спецлагеря НКВД при Архангельском бумажном комбинате (Исакогорский р-он г. Архангельска). Личный состав Управления лагеря № 211 насчитывал 53 чел., 1-го лаготделения – 53 чел., 2-го лаготделения – 58 чел.⁶ Жилой фонд лагерных отделений состоял из одноэтажных барак каркасно-засыпного типа с двухъярусными нарами. Лаготделения располагали соответствующей инфраструктурой: штабом, столовыми, лазаретами, банями, пищеблоками, дезокамерами, кладовыми, а также автомобильным и гужевым транспортом⁷.

Архангельской области, край СОВ. СЕКРЕТНО

Лимит 1300
Емкость 1200
Наличие в/п. 1057

ХАРАКТЕРИСТИКА

Лаготделение расположено на поселке Архангельского бумажного комбината имени Ворошилова Исакогорского района Архангельской области.

Ближайшая железнодорожная станция Исакогорка расстояние 12 км.

Милдронд состоит из одноэтажных барак каркасно-засыпного типа на 240 человек каждый, оборудованных сплошными нарами и частично вагонного типа.

Амбулатории лазарета на 30 коек, кухни-столовой на 2000 обедов и 200 посадочных мест. Бани, жезонамеры на 35 человек в час, прачечной - 150 кг белья в сутки. Продвещ-склада на 350 тонн, овощехранилища на 350 тонн.

Сапожно - пергяновских мастерских.

Личный состав лаготделения размещен на поселке комбината. Техническое состояние жилого фонда удовлетворительное. Жилой фонд лагеря предоставлен Архбумкомбинатом имени Ворошилова Министерства Целинно-бумажной промышленности, у которого и состоит на балансе.

Отопленные помещения печное, освещение - электрическое от электростанции хозоргана.

Водоснабжение - заводской водопровод, дебет воды достаточен.

Все необходимые работы на Архбумкомбинате имени Ворошилова расстояние в радиусе 0,5 до 4 км.

Примечание. Указанная форма представляется в ГУПВИ МВД СССР два раза в год к 15 января и к 15 июля

агсрг *А.И. Иванов* (Куровой)

Фото 1. Схема и характеристика 2-го лаготделения лагеря № 211 при Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате. 7 февраля 1947 г.

Источник: Российский государственный военный архив.

⁶ Приказ Управления НКВД по Архангельской области № 0067 от 7 августа 1944 г. с объявлением штата Управления лагеря военнопленных // Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области (далее – Архив УМВД России по АО). – Ф. 3. – Д. 59. – Л. 125–126.

⁷ Паспорт лагеря НКВД № 211 для военнопленных рядового состава от 20 декабря 1945 г. // РГВА. – Ф. 8/п. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 88–91.

Первый этап в количестве 1 750 чел. (в основном немцы, румыны, поляки и венгры) поступил в 1-е лагерное отделение 4 октября 1944 года. Сотрудник лагеря, майор Кириллов, участвовавший в приеме эшелона, так описывал это событие:

Этап прибыл поздним вечером 4 октября 1944 года. Несмотря на позднее время, среди населения быстро распространилась весть о прибытии военнопленных. При подходе их к проходной вахте по краям собирались большие группы населения, которое впервые видело солдат “хваленой гитлеровской армии”... Неслись возгласы: “Довоевались!”, “Убийцы, насильники!”, “Вот они – представители высшей расы!”⁸

Прибывшие пленные имели ужасный вид. Истощенные, грязные, завшивленные, они с трудом добивались до лагеря. Только во время прохода через лагерную вахту умерли пять человек, в последующие дни ежедневно умирало по 14–15 чел. Из числа поступивших 1 580 чел. (90 %) нуждались в срочной госпитализации.

Второй эшелон в количестве 1 497 чел. (в основном венгры) поступил 16 октября 1944 г. из города Роман (Румыния) в еще более плачевном физическом состоянии. При разгрузке в вагонах были обнаружены три трупа. Все пленные были завшивлены, многие болели дизентерией, брюшным и сыпным тифом, некоторые находились в бессознательном состоянии. При этапировании в лагерь умерли 7 чел., на следующий день – еще 12 чел. Из числа прибывших 267 чел. были направлены в первое лаготделение, 1 230 чел. – во второе⁹.

Третий этап в количестве 1 500 чел. (разные национальности) прибыл из лагеря № 176 Горьковской области (ст. Оранки) 8 мая 1945 г. в «удовлетворительном состоянии». В дальнейшем пленные поступали небольшими группами численностью от 7 до 50 чел. Всего через лагерь прошло 7 654 военнопленных и интернированных 20 национальностей, среди которых преобладали немцы (45 %), венгры (36 %), румыны (6 %), австрийцы (4 %), поляки (3 %).

После прибытия пленных выяснилось, что лагерные отделения к их размещению не были полностью готовы. По нормативам НКВД норма жилой площади на одного военнопленного должна была составлять 2 кв. м. Проверкой же было установлено, что 1 224 военнопленных были размещены в помещениях площадью 1 200 кв. м, т. е. на одного военнопленного приходилось менее 1 кв. м жилплощади¹⁰.

⁸ Цит. по: История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 3.

⁹ Там же. – Л. 4.

¹⁰ Приказ Управления НКВД по Архангельской области № 00111 «О результатах проверки готовности лагеря военнопленных № 211» от 11 ноября 1944 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 59. – Л. 206.

На основании приказа НКВД СССР № 263 от 11 декабря 1944 г. в структуре лагеря № 211 было сформировано лагерное отделение № 3 в дер. Кулига Телеговского сельсовета Красноборского района Архангельской области в 550 километрах от лагеря по р. Северная Двина. Перед ним была поставлена задача обеспечения военнопленных и личного состава лагеря овощами и продуктами животноводства. К организации подсобного хозяйства лагерь приступил весной 1945 г., при этом жилые и подсобные помещения, сельскохозяйственный инвентарь, тягловую силу, семенной фонд приходилось приобретать у колхозов Телеговского сельсовета. Решениями Архангельского облисполкома и Красноборского райисполкома для подсобного хозяйства было выделено во временное пользование 250 гектаров малопродуктивной земли, поросшей лесом и кустарником. Сенокосных угодий лагерю выделено не было, в результате чего кормовой базой для развития животноводства подсобное хозяйство не располагало.

Фото 2. Схема и характеристика 3-го лаготделения лагеря № 211 (д. Кулига, Красноборский район Архангельской области). 7 февраля 1947 г.

Источник: Российский государственный военный архив.

Начальником подсобного хозяйства был назначен майор Михаленков, агроном по образованию. Из числа пленных были подобраны зоотехники, ветеринары, механизаторы, овощеводы. В 1945 г. наполнение этого лаготделения составляло 200 чел., в 1946 г. – 300 чел.¹¹ В весенне-летний период, когда требовалась рабочая сила, бараки были переполнены. После уборки урожая и отправки его в Архангельск, оставались несколько десятков пленных для поддержания подсобного хозяйства в зимний период¹². В селе пленные ходили без конвоя, общались с местными жителями, меняли изготовленные собственными руками поделки на яйца, молоко и хлеб. В лагере имелась своя санчасть с доктором-венгром, который лечил и местное население¹³.

В 1945–1947 гг. пленными, в основном венграми и румынами, в Кулиге были построены два амбара, зерносушилка, свинарник, конюшня, ледник, кузница, гараж, бензохранилище, мастерская по ремонту и пошиву одежды, две кухни, баня-прачечная, жилой барак, забор из колючей проволоки с наблюдательными вышками. Кроме того, были приобретены сельскохозяйственный инвентарь, тягловая сила, автомашина, трактора, горюче-смазочные материалы. Силами пленных была произведена расчистка, раскорчевка и вспашка 200 гектаров залежных и целинных земель, вывезено в поля значительное количество органических и минеральных удобрений. Объем посевов составил в 1945 г. – 100 гектаров, в 1946 г. – 213 гектаров, в 1947 г. – 125 гектаров¹⁴.

Несмотря на большие затраты, подсобное хозяйство себя не оправдывало: перевозки осуществлялись с большими трудностями, отсутствовала кормовая база, низкой была урожайность. В особенно тяжелом состоянии подсобное хозяйство находилось после зимы 1945–1946 годов. Семенные фонды были частично истрачены на плановое снабжение. Нехватка кормов вызвала падеж скота¹⁵.

Исходя из сложившейся ситуации, лагерь № 211 ходатайствовал перед УМВД по Архангельской области о ликвидации подсобного хозяйства. На основании приказа МВД СССР № 001118 в марте 1948 г. лаготделение № 3 было расформировано, земля и постройки переданы колхозам, имущество и матери-

¹¹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 10.

¹² *Кокшаров В., Берг А.* Лагерь военнопленных в Телегове // Знамя. – 1990. – 5 апреля. – С. 4.

¹³ *Ирха И.* Предателями не считать! // Архангельск. – 1998. – 17 сентября. – С. 7.

¹⁴ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 11.

¹⁵ Приказ Управления НКВД по Архангельской области № 02 «О результатах проверки 3-го лаготделения лагеря НКВД № 211 и подсобного хозяйства лагеря НКВД № 220 в период с 11 по 22 декабря 1945 г.» от 7 января 1946 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 74. – Л. 2–4.

альные ценности – областному Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний, контингент переведен в другие лагерные отделения¹⁶.

В июле 1945 г. УНКВД по Архангельской области утвердило план дополнительных мероприятий по размещению военнопленных. В частности, планировалось развернуть пять новых лагерных отделений в составе лагеря № 211: л/о № 5 при бондарном заводе (поселок лесозавода № 14 Маймаксанского р-на Архангельска) на 500 чел.; л/о № 6 при лесобирже лесозавода имени В.М. Молотова (Соломбальский р-он Архангельска) на 750 чел.; л/о № 7 при лесобирже № 2 (о. Бревенчатый Маймаксанского р-на Архангельска) на 750 чел.; л/о № 8 при лесозаводе № 5–7 (пос. Цигломень Пролетарского р-на Архангельска) на 750 чел.; л/о № 9 при Управлении военно-строительных работ № 242 Архангельского окружного военно-строительного управления (Маймаксанский р-он Архангельска, поселок 6-го строительства) на 500 чел. В итоге количество лаготделений в составе лагеря № 211 увеличилось бы до 9, а их вместимость – до 10 350 чел.¹⁷

Однако столь масштабные планы не были реализованы. В сентябре 1945 г. в лагере № 211 были подготовлены к открытию и укомплектованы штатами только два лаготделения: № 4 при стройконторе Главморстроя (Архангельск, Соломбала, Мосеев остров, лимит 1 000 чел.) и № 6 при лесобирже завода им. Молотова (Архангельск, Соломбала, лимит 750 чел.)¹⁸. По причине того, что контингент не был завезен, данные лаготделения были расформированы.

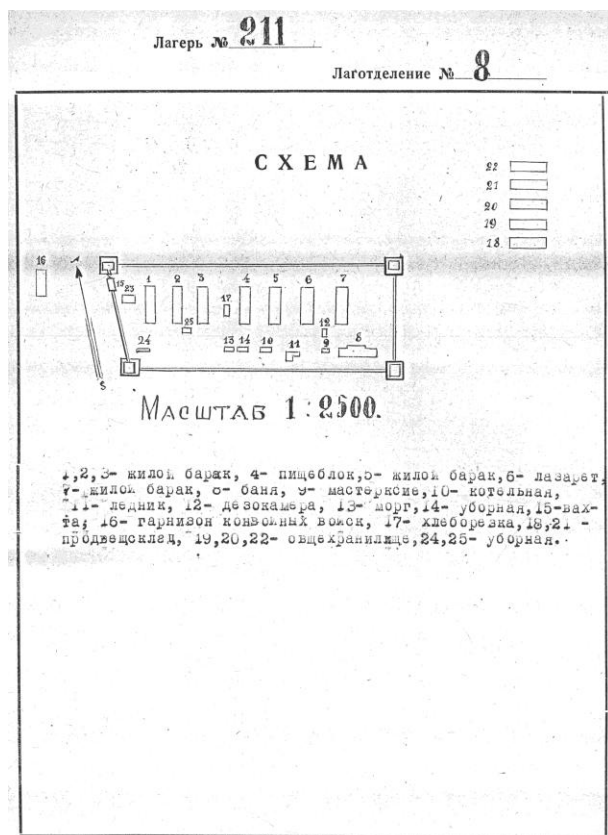
На основании приказа УМВД по Архангельской области № 0034 от 5 июня 1946 г. было принято решение об объединении всех лагерей военнопленных на территории Архангельской области в один лагерь. В результате слияния Молотовского лагеря № 220 (г. Молотовск, ныне – г. Северодвинск) и Соломбальского № 211 в состав последнего вошли два лагерных отделения с дислокацией в г. Молотовске (на 1 200 чел.) и разъезде Ломовое (на 400 чел.)¹⁹.

¹⁶ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 11.

¹⁷ Служебное письмо начальника УНКВД Архангельской области Демина и заместителя начальника отдела по делам военнопленных и интернированных Зимина на имя начальника ГУПВИ НКВД СССР Кривенко № 13/636 от 5 июля 1945 г. // РГВА. – Ф. 8/п. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 67–68.

¹⁸ Материалы по организации лагерей для военнопленных на территории Архангельской области. 09.09.44–24.11.45 // РГВА. – Ф. 8/п. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 80.

¹⁹ Приказ УМВД по Архангельской области № 0034 «О ликвидации Управления лагеря МВД № 220 и передаче его лаготделений № 1 и 2 в состав лагеря МВД № 211» от 5 июня 1946 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 75. – Л. 109–113.

Архангельской области, края

СОВ. СЕКРЕТНО

Лимит 1235
Емкость 1350
Наличие в/пл. 1082

ХАРАКТЕРИСТИКА

Лаготделение расположено в городе Молотовке Архангельской области. Ближайшая железнодорожная станция Молотовск, расстояние 4 км.

Жилой фонд состоит из одноэтажных барakov каркасно-брусного типа на 250-300 человек каждый. Оборудованных 2-х ярусными нарами вагонного типа.

Амбулатории лазарета на 50 коек. Кухни-столовой на 2000 обедов и 240 посадочных мест. Бани, деэкокамеры на 50 человек в час, прачечной на 250 кг белья в сутки. Продовольственного и вещевого склада на 450 тонн, овощехранилища емкостью 350 тонн. Дичный состав размещен на поселке строительства. Сапожных, портновских мастерских и прочих хозяйственных строений.

Техническое состояние жилого фонда удовлетворительное. Жилой фонд лагеря предоставлен Военморстроуправлением № 203 Министерства Военных и Военно-морских сооружений, который арендует у Игринлага МВД СССР.

Стопловые помещения печное, освещение электрическое, напряжение 220 вольт от электростанции 402 завода.

Водоснабжение - водопровод в зоне, дебет воды достаточный.

Военнопленные работают на строительстве № 203 расстояние от зоны 0,5 до 5 км.

Примечание. Указанная форма представляется в ГУПВИ МВД СССР два раза в год к 15 января и к 15 июля

серя *Сидоров* (Сидоров)

Фото 3. Схема и характеристика 8-го лаготделения лагеря № 211 (г. Молотовск).
7 февраля 1947 г.

Источник: Российский государственный военный архив.

Лагеря военнопленных, будучи режимными объектами, подлежали усиленной охране. Охрана лагеря № 211 обеспечивалась личным составом гарнизона 2-го батальона 250-го полка конвойных войск НКВД-МВД. Лаготделение № 1 в дневное время охраняли три поста, в ночное - четыре, лаготделения № 2 и № 3 - соответственно два и три поста²⁰.

Зона каждого лаготделения имела вахту с проходными воротами, на которой дежурил суточный наряд. Территория лаготделений была огорожена забором из досок и колючей проволоки высотой два с половиной метра. С внешней и внутренней стороны забора располагались запретные зоны, огражденные предзонником (небольшим забором) из колючей проволоки. Посты войсковой охраны, располагавшиеся по периметру зон, были оборудованы наблюдательными вышками, обеспечивавшими зрительную и звуковую связь часовых. Те-

²⁰ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944-1949 гг. // РГВА. - Ф. 1п. - Оп. 35а. - Д. 32. - Л. 14.

лефонная связь между часовыми и гарнизоном конвойных войск осуществлялась через коммутаторы. Также в лагерных зонах были установлены средства звуковой сигнализации, проведено электрическое освещение.

После окончания войны широкое распространение получила практика передвижения и работы пленных без конвоя. В 1947 г. в лагере № 211 были расконвоированы 720 чел. В первую очередь, расконвоированию подлежали лица, занимавшие руководящие производственные должности, а также командиры рот, взводов, функционеры антифашистского актива. Характерно, что среди расконвоированных не было зафиксировано побегов²¹.

В 1945 г. в лагере были сформированы вспомогательные команды из числа военнопленных общей численностью 135 чел. Они осуществляли охрану контингента на объектах работ под руководством конвойных войск, на территории лагеря – под контролем дежурного офицера. Личный состав команд носил отличительный знак – белую повязку с черными буквами «КС» (команда самоохраны). Отбор лиц в эти подразделения производился специальной комиссией в составе начальника управления лагеря и его заместителей по политической и оперативной работе.

С 1946 г. отделением режима и охраны лагеря для охраны пленных на объектах работ привлекались вахтеры со стороны хозорганов (например, Архангельского ЦБК, судоверфи и др.) в количестве 20 человек. Своя система охраны и наблюдения имела на предприятиях, использовавших труд военнопленных. К примеру, директор Архангельского целлюлозно-бумажного комбината, чтобы предотвратить беспрепятственное хождение пленных по территории комбината, обязал рабочих и служащих

следить за поведением военнопленных на производстве, а замеченных в совершении краж и других проступков задерживать и направлять в лагерь²².

Кроме того, была введена система пропусков, на основании которых бывшие неприятельские военнослужащие получали право входа на территорию производственной зоны²³.

Для розыска бежавших пленных в прилегающих к лагерю населенных пунктах, речных пристанях, переправах и железнодорожных станциях из числа местных жителей создавались бригады содействия (БС). Всего при лагере № 211

²¹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 15.

²² Приказ по Управлению Архангельского бумажного комбината имени К.Е. Ворошилова № 350 от 5 августа 1947 г. // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 48.

²³ Приказ по Управлению Архангельского бумажного комбината имени К.Е. Ворошилова № 133 от 19 апреля 1947 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 188.

было организовано 39 таких бригад общей численностью 228 чел. С ними периодически проводились занятия и инструктирование. Как показала практика, организация бригад содействия оправдала себя. С их помощью было пресечено несколько побегов военнопленных. Так, осенью 1946 г. членом БС Поляковым на 1059-м разъезде Северной железной дороги был задержан пленный, находившийся в побеге четыре дня. За это Поляков был премирован деньгами в размере 200 руб. В другом случае в Архангельске гражданкой Кирилловой был задержан пленный, находившийся в побеге три дня. В целом, за период существования лагеря № 211 было совершено девять побегов, в том числе в 1946 г. – пять, 1947 г. – три, в 1948 г. – один. Все беглецы были пойманы силами личного состава лагеря и бригад содействия²⁴.

Военнопленные обеспечивались продовольствием по дифференцированным нормам питания, устанавливаемым приказами и директивами НКВД-МВД. Объем и состав рациона зависели от производительности труда, состояния здоровья военнопленного, его воинского звания, членства в антифашистском активе. Факты несоблюдения установленных норм хлебного и котлового довольствия были довольно распространенным явлением. Так, калорийность суточного рациона в лагере № 211 в январе 1945 г. вместо 2 079 кал. составляла 1 910 кал., больные вместо 2 599 кал. получали 2 301 кал., дистрофики – вместо 3 465 кал. лишь 3 138 кал.²⁵ Однообразным был и ассортимент продуктов. Проблему усугубляли также несвоевременная поставка продуктов в период снежных заносов и осенней распутицы, хищение продуктов лагерным персоналом.

Для улучшения своего рациона питания, по воспоминаниям местных жителей, военнопленные собирали лебеду и крапиву²⁶. Немалую помощь лагерю в обеспечении военнопленных продуктами питания оказывали предприятия, использовавшие их труд. Например, в столовой Соломбальского сульфат-целлюлозного завода по специальным талонам пленные получали ежедневно 500 порций из двух блюд – супа и каши²⁷. При этом рабочие предприятия получали недостаточное питание в виде гнилого турнепса, картофеля и разбавленного водой подсолнечного масла²⁸.

²⁴ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 16.

²⁵ Личное дело лагеря № 211. Август 1944 – апрель 1945 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 9в. – Д. 78. – Л. 29.

²⁶ Сульфат. История повседневности. 1930–1960-е годы / редактор-составитель В.И. Коротаев. – Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. – С. 40.

²⁷ Приказ директора Соломбальского сульфат-целлюлозного завода № 83 от 15 августа 1945 г. // ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 136.

²⁸ Приказы по Соломбальскому ЦБК Главного управления целлюлозной промышленности // ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 67.

Фото 4. На кухне военнопленных 1-го лаготделения лагеря № 211 (г. Архангельск).
Источник: Российский государственный военный архив.

Большие усилия лагерное руководство прилагало для организации вещевого снабжения военнопленных. Однако здесь имелись не меньшие трудности, чем со снабжением пленных продовольствием. Прибывшие в лагерь неприятельские военнослужащие были одеты в лохмотья, некоторые не имели обуви. Снабжение лагеря вещевым имуществом осуществлялось окружным управлением военного снабжения МВД Северо-Печорского округа, часть одежды лагерю предоставлялась хозорганами. Из-за нехватки имущества вводился режим строгой экономии. Вещи изнашивались буквально до дыр и выбрасывались лишь в случае невозможности их ремонта. Значительная часть вещевого довольствия восстанавливалась из утиля, для чего была организована мастерская²⁹.

²⁹ Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Историко-архивный институт, 1997. – С. 144.

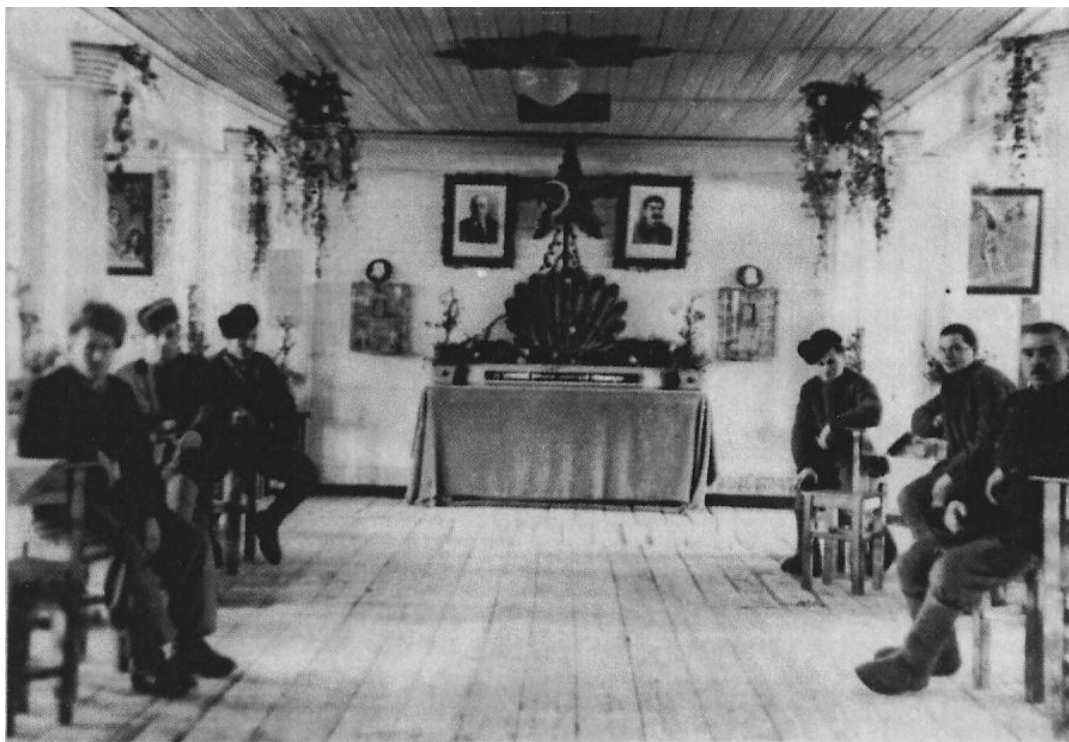

Фото 5. Хозяйственная рота 1-го лаготделения лагеря № 211.
Источник: Российский государственный военный архив.

Директива НКВД № 183с от 12 июня 1944 г. предписывала обеспечить каждого военнопленного на зимний период теплым головным убором, шинелью, сапогами, теплыми портянками и перчатками³⁰. Государству стоило немалых усилий выделить даже самые минимальные фонды вещевого довольствия на нужды пленных, ведь само население зачастую не имело теплой одежды и обуви, которые являлись остродефицитными товарами³¹.

К сожалению, среди порядочных сотрудников лагеря встречались и отдельные лица, не брезговавшие обворовывать военнопленных, присваивать их вещи, продукты, ценности. Так, приказом НКВД СССР № 494 от 22 декабря 1945 г. за расхищение материальных ценностей, продуктов питания и злоупотребление служебным положением из органов НКВД был уволен заместитель начальника управления лагеря по снабжению капитан Камкин³². В приказе

³⁰ Директива заместителя народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышова № 183с о подготовке лагерей военнопленных к зимнему периоду от 12 июня 1944 г. // Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 461. – Л. 186 об.

³¹ Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 4: Народ и война / под редакцией В.А. Пронько. – Москва: Наука, 1999. – С. 101.

³² Приказ НКВД СССР № 494 от 22 декабря 1945 г. // Архив УМВД России по ВО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 229.

УМВД Архангельской области № 45 от 9 августа 1946 г. «О результатах документальной ревизии лагеря военнопленных № 211» отмечалось, что

недостачи и растраты вошли в систему и имеют массовый характер почти по всем филиалам лагеря, достаточной борьбы с ними со стороны руководства не ведется³³.

Следствием отсутствия контроля за расходом материальных ценностей по отделу продфуражного снабжения стала недостача на сумму 55 598 руб., по отделу вещевого снабжения – на сумму 48 364 руб.³⁴ По итогам расследования виновные были привлечены к административной и судебной ответственности.

Важнейшим направлением работы с военнопленными являлось их медико-санитарное обслуживание. В первое время из-за массового поступления больных не удавалось надлежащим образом организовать работу амбулаторий и лазаретов. Среди контингента наблюдался рост числа цинготных и инфекционных больных. Только в январе 1945 г. в лагере было выявлено 86 чел. тифозных больных, что составляло 3,2 % к общей численности контингента³⁵. В этот трудный период благодаря самоотверженному труду коллектив медицинских работников вышел победителем из сложнейшей ситуации с заболеваемостью и смертностью, сохранив жизни многих военнопленных. О героизме лагерных медиков свидетельствует тот факт, что, борясь с эпидемией тифа, заболели и умерли начальник санитарного отдела Тимкина и врач Ботвин.

9 декабря 1944 г. и 24 марта 1945 г. УНКВД по Архангельской области издало приказы № 00121 и № 014 «О мероприятиях по ликвидации заболеваемости и смертности военнопленных в лагере № 211», в соответствии с которыми руководству лагеря предлагалось прекратить вывод на работы ослабленных военнопленных, увеличить штат оздоровительных команд, максимально расширить коечную сеть в лазаретах, закрепить за ними необходимое число санитаров из числа военнопленных. Начальник лагеря подполковник госбезопасности Н.Д. Дубовой был уволен, а вместо него назначен старший лейтенант госбезопасности Луговой, ранее занимавший должность заместителя начальника Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Архангельской области³⁶.

³³ Приказ начальника Управления МВД по Архангельской области № 45 «По результатам документальной ревизии лагеря военнопленных № 211» от 9 августа 1946 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 72. – Л. 106.

³⁴ Там же. – Л. 106–108.

³⁵ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 81.

³⁶ Приказ Управления НКВД по Архангельской области № 00121 «О мероприятиях по сокращению заболеваемости и смертности военнопленных в лагере № 211» от 9 декабря

Одновременно прилагались усилия, чтобы предотвратить распространение среди военнопленных эпидемических заболеваний, циркулировавших среди местного населения. 9 августа 1946 г. начальник санитарного отдела Управления лагеря майор медицинской службы Вертягин писал начальнику противоэпидемического отдела Архангельского областного отдела здравоохранения:

За последнюю декаду июля месяца на Архангельском бумкомбинате увеличились случаи заболеваемости дизентерией и брюшным тифом, которые уже начинают распространяться и на военнопленных 2-го лаготделения лагеря № 211. Нами принимаются все меры ограждения и недопущения возникновения эпидемии острых инфекционных желудочно-кишечных заболеваний, но в проводимой работе должна быть согласованность с местным райздравом, так как военнопленные имеют контакты с гражданским населением на объектах работ³⁷.

Для снижения заболеваемости брюшным тифом и дизентерией во 2-е лаготделение лагеря был командирован врач-бактериолог³⁸.

В послевоенные годы неизменным спутником лагерной жизни стал туберкулез. Так, в циркуляре МВД СССР № 349 от 19 июня 1948 г. отмечалось, что в лагере № 211 выявлено большое количество больных туберкулезом. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что заболевшие этой опасной болезнью выявлялись с запозданием и несвоевременно получали лечение. МВД требовало от лагерных медиков вести строгий учет туберкулезников, использовать для их лечения специалистов-фтизиатров из гражданских больниц, обеспечить уход и питание по повышенной норме³⁹.

Общее снижение заболеваемости контингента в 1945–1948 гг. позволило сократить число коек с 1 600 до 80, т. е. в 20 раз⁴⁰. В целом, врачи и медсестры лагеря добились высоких показателей в лечении военнопленных. Из общего числа пациентов лагерного лазарета было вылечено 46 %, выписано с улучшением – 49 %, получило инвалидность – 0,8 %, умерло – 4,2 %⁴¹. Таким образом, лагерным медикам удалось сохранить жизнь и здоровье 95 % лечившихся военнопленных. За положительные результаты в деле оздоровления контингента

1944 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 59. – Л. 222–224; Приказ Управления НКВД по Архангельской области № 014 «О результатах проверки санитарно-бытовых условий содержания военнопленных в лагере № 211» от 24 марта 1945 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 61. – Л. 32.

³⁷ Сводки, конъюнктурные отчеты по медико-санитарной работе Отдела здравоохранения Архангельского облисполкома за 1946 г. // ГААО. – Ф. 1932. – Оп. 3. – Д. 258. – Л. 249.

³⁸ Там же. – Л. 250–251.

³⁹ Циркуляр МВД СССР № 349 от 19 июня 1948 г. // Архив УМВД России по ВО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 523. – Л. 129–129 об.

⁴⁰ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 106.

⁴¹ Там же. – Л. 84.

были награждены и премированы многие медицинские работники лагеря. Так, приказом начальника УНКВД Архангельской области № 289 от 23 апреля 1945 г. были объявлены благодарности врачам лагеря № 211 Анохиной, Кублановой, Антонову⁴².

Об эффективности деятельности медицинской службы лагеря в значительной мере можно судить по уровню смертности военнопленных. Согласно подсчетам, из 7 654 военнопленных в лагере умерло 1 045 чел., т. е. 13,6 %⁴³. Для сравнения отметим, что по официальной статистике органов ЗАГС за 1941–1944 гг. в Архангельске от голода и болезней умерло 38 тыс. жителей, что составляло 13,6 % от его довоенной численности (280 тыс. чел.)⁴⁴. Таким образом, военнопленные находились практически в одинаковом положении с архангелогородцами в годы войны. И те, и другие терпели лишения от голода, болезней и изнурительного труда. Это факт наглядно показывает, что в отношении военнопленных, в отличие от нацистской Германии, не проводилась политика геноцида и массового уничтожения.

⁴² История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 82.

⁴³ Рассчитано по данным: Акт проверки состояния учета военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях № 211 и 220 МВД СССР и рабочем батальоне № 1096 МВД СССР от 10 июня 1946 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 50. – Д. 93а. – Л. 55; Дислокация захоронений умерших военнопленных и интернированных бывших лагерей № 211, 220 и 224, рабочего батальона № 1096, спецгоспиталя № 2515, расположенных на территории Архангельской области от 6 апреля 1957 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 50. – Д. 24. – Т. 2. – Л. 3; Кладбище военнопленных 2-го лаготделения лагеря № 211 // Архив УМВД России по АО. – Ф. 50. – Дело с материалами проверки кладбищ лагерей военнопленных, дислоцировавшихся на территории Архангельской области. 28 мая 1949 г. – 4 июля 1949 г. – Л. 81; История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 5–6.

⁴⁴ Хатанзейская Е.В. Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929–1945 гг. (по материалам Архангельска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2019. – С. 14, 18.

Фото 6. Кладбище 2-го лагерного отделения лагеря № 211
(Исакогорский район г. Архангельска). Фото 1960-х гг.
Источник: архив Управления МВД России по Архангельской области

Фото 7. Памятник умершим венгерским военнопленным
(дер. Повракулы, Приморский район, Архангельская область).
Источник: из личного архива А. Кузьминых (фото 2011 года).

Появившиеся в Архангельске военнопленные сразу привлекли к себе внимание местных промышленных предприятий и организаций, нуждавшихся в «рабсиле». В связи с тем, что прибывшие в лагерь этапы были предельно ослаблены, выход на производство в 1944 г. был исключительно низкий. В октябре 1944 г. из 4 187 пленных выводились на работы лишь 865 чел., т. е. 20 %⁴⁵. Бывшие неприятельские солдаты не имели необходимых трудовых навыков и работали с низкой самоотдачей. В лагерной документации зафиксирован ряд фактов, когда пленные пытались саботировать работы. Так, 17 декабря 1944 г. в лагерной столовой фельдшер Руссо, по национальности поляк, призывал военнопленных:

Венгерские командиры хотят выслужиться перед русскими командирами и посылают всех на работу в холодную погоду, поэтому народ и умирает. Одежда у вас плохая, на работу не выходите, а если командиры будут посылать, их бейте⁴⁶.

В свою очередь, представители хозорганов пренебрежительно относились к пленным, не следили за организацией их труда, халатно оформляли наряды. К

⁴⁵ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 17–18.

⁴⁶ Цит. по: Личное дело лагеря № 211 // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 9в. – Д. 78. – Л. 36.

примеру, в цехе регенерации Соломбальского сульфат-целлюлозного завода, где работали 40 военнопленных, расчеты за произведенную работу производились с занижением на 35 %. В результате пленные выполняли нормы выработки на 60–65 %⁴⁷. Вполне закономерно, что в начале 1945 г. лагерь числился в категории «убыточных». Валовая выработка по отношению к фактическому расходу в процентном соотношении составляла в марте 1945 г. – 19,2 %, в апреле – 21,4 %⁴⁸. Фактически, лагерь существовал за счет финансирования из государственного бюджета.

В результате мероприятий по физическому оздоровлению контингента, организации технической учебы и перераспределения военнопленных по объектам работ в 1945 г. определился перелом в производственной деятельности лагеря, что наглядно отражено в табл. 1.

Таблица 1

Производственная деятельность Соломбальского лагеря № 211 в 1945 году⁴⁹

Показатели	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
Среднесписочный состав	3 626	4 358	4 457	3 183
Трудовой фонд	-	1 864	3 529	2 913
(% к списочному составу)	-	42,8	78,8	91,5
Выход на производство	479	1 312	2 701	2 226
(% к списочному составу)	13,2	30,1	60,3	70,0

Данные таблицы показывают, что в течение года трудовой фонд в процентном отношении вырос в 2,1 раза, а выход на производство – в 5,3 раза.

В 1945 г. на Соломбальском СЦЗ военнопленные составляли половину производственного персонала (49,9 %)⁵⁰. Валовая выработка лагеря за 1945 г. дос-

⁴⁷ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 19.

⁴⁸ По Соломбальскому лагерю № 211 процент рентабельности составлял за март 1945 г. 23,7 %, за апрель – 25,3 %. См.: Приказ НКВД СССР № 0160 об итогах трудового использования военнопленных в лагерях НКВД за 1-й квартал и апрель 1945 г. от 15 июня 1945 г. // Архив УМВД России по ВО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 467. – Л. 213–215; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорулько и др.; под редакцией М.М. Загорулько. – Москва: Логос, 2000. – С. 612–613.

⁴⁹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 21.

⁵⁰ Рассчитано по данным: Отчет о работе партбюро Соломбальского сульфат-целлюлозного завода за апрель-август 1945 г. // Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО). – Ф. 2018. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 84; Протоколы партийных собраний Соломбальского сульфат-целлюлозного завода за 1946 г. // ОДСПИ ГААО. – Ф. 2018. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 43.

тигла 7 014 988 руб. (104 % к плану), а средняя производительность труда выросла до 107,4 % и приблизилась к показателям кадровых рабочих. Благодаря военнопленным Соломбальский сульфат-целлюлозный завод в феврале 1945 г. выполнил план по производству целлюлозы на 195 %, бумаги – на 151 %, валовой продукции – на 193 %. Из-за того, что вся древесина, находившаяся на лесосбирже, была переработана, пленным пришлось частично передать лесозаводу № 16–17⁵¹.

Знания и опыт военнопленных оказались как нельзя кстати дирекции Архангельского ЦБК. В августе 1946 г. сюда прибыло несколько вагонов с импортным оборудованием, полученным СССР в ходе репарационных поставок. Военнопленные с соответствующей квалификацией использовались на установке, монтаже и пуске трофейных механизмов и приборов, переводе технической документации. Среди русских названий бумагоделательных агрегатов появились иноязычные: дробилка «Блек», ленты «Феррадо», барабаны «Велена» и «Хильбом»⁵². К сожалению, основная часть оборудования в результате халатного отношения, хранения под открытым небом и последовавшей вслед за этим коррозии была вскоре выбракована⁵³.

Несмотря на неблагоприятные факторы первых послевоенных лет, лагерю удалось поддерживать высокие производственные показатели. На 1 ноября 1947 г. трудовой фонд в лагере составлял 89 %, выход военнопленных на оплачиваемые работы – 75 %, лагерная обслуга – 5 %, средняя производительность труда – 143 %, фактическая самоокупаемость лагеря – 111 %. Только за 3-й квартал 1947 г. доход лагеря составил 623 тыс. руб. За успешное выполнение производственно-финансового плана были премированы начальник финансового отдела лагеря Т.Г. Лисицын, инспектор по труду К.А. Выдро и инспектор-нормовщик П.Г. Сидоров⁵⁴. В 1945–1947 гг. со стороны Архангельского ЦБК и

⁵¹ Приказ № 24 по Соломбальскому сульфат-целлюлозному заводу от 5 марта 1945 г. // ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 40.

⁵² Приказ по Управлению Архбумкомбината имени К.Е. Ворошилова № 168 «О сохранении импортного оборудования, прибывающего из Финляндии» от 5 августа 1946 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 111. – Л. 289; Приказ по Управлению Архбумкомбината имени К.Е. Ворошилова «Об организации приемки и хранения поступающего оборудования и укрепления инженерно-техническими работниками отдела комплектования оборудования» от 8 августа 1946 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 111. – Л. 285.

⁵³ Приказы по Управлению Архангельского целлюлозно-бумажного комбината за 1948 г. 6 января 1948 г. – 27 июля 1948 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 175. – Л. 411–413.

⁵⁴ Приказ Управления МВД по Архангельской области № 0158 «О премировании личного состава лагеря № 211 по итогам производственно-хозяйственной деятельности лагеря за 9-й квартал 1947 г.» от 6 ноября 1947 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 83. – Л. 325–326.

Соломбальского СЦЗ руководство лагеря № 211 получило в качестве премиального вознаграждения 26 210 руб.⁵⁵

Для повышения производительности труда среди военнопленных проводилось трудовое соревнование. Первые попытки его организации в начале 1945 г. окончились провалом. Однако со временем договоры с трудовыми обязательствами удалось заключить не только между бригадами, но и между лагерными отделениями. В результате, к концу 1947 г. почти не имелось бригад, не выполняющих производственных норм, тогда как в 1945 г. таких была половина. Бригады Топа, Фишера, Михая, Гебеляйна, Марчина, Дотмана выполняли трудовые задания с показателями от 242 до 364 % от нормы. Общее число пленных, выполняющих нормы свыше 150 %, достигло 380 чел.⁵⁶

В июле 1945 г. Соломбальский сульфат-целлюлозный завод поручил трем военнопленным инженерам самостоятельно осуществлять руководство отдельными производственными участками. Так, Хехер заведовал строительством сушильного цеха, Грифельштейн – строительством банно-прачечного комбината, Шиндер – работой военнопленных в электроотделе. Бывший начальник отдела кадров ССЦЗ А.П. Горина вспоминала об использовании военнопленных в годы войны:

Среди них были умнейшие люди. Одного из них, по фамилии Александер, директор сразу взял в конструкторское бюро. Наша ТЭЦ до этого работала только на древесном топливе, а Александер перевел ее на уголь⁵⁷.

В приказе по ССЦЗ от 27 марта 1947 г. отмечается, что инженер А. Хорват сконструировал механические весы для взвешивания каменного угля, чем предотвратил «бесхозяйственное разбазаривание социалистической собственности». Им же под руководством главного инженера завода был введен в эксплуатацию станок по упаковке целлюлозы, позволивший сократить пять рабочих мест, за что А. Хорвату было выплачено денежное вознаграждение в размере 400 руб.⁵⁸

Располагая значительными трудовыми ресурсами, лагерь № 211 оказывал местным предприятиям существенную помощь в выполнении производственных планов. Так, контингент лагеря в 1945–1947 гг. полностью обслуживал ра-

⁵⁵ Рассчитано по данным: ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 134; Д. 144. – Л. 234; Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 28, 35, 58, 64; Д. 111. – Л. 90, 158; Д. 110. – Л. 68, 89, 98, 127, 137, 184, 192; Д. 143. – Л. 101, 112, 162, 177; Д. 144. – Л. 251; Д. 175. – Л. 276, 344–357, 485, 596.

⁵⁶ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 28–29.

⁵⁷ Цит. по: Сульфат. История повседневности. 1930–1960-е годы. – С. 31.

⁵⁸ Приказ № 43а по Соломбальскому сульфат-целлюлозному заводу от 27 марта 1947 г. // ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 159. – Л. 76.

боту лесобиржи, лесотопливного и транспортного отделов Соломбальского СЦЗ и Архангельского ЦБК. Бывшие вражеские солдаты выполняли все виды работ, начиная с приема и распиловки древесины и заканчивая погрузкой готовой продукции. Их силами ежегодно принималось и перерабатывалось до 550 тыс. фестметров (1 куб.м. сплошной древесной массы – *ред.*) древесины, а среднегодовой объем погрузочно-разгрузочных работ превышал 500 тыс. тонн. «Узники войны» обслуживали две печи по обжигу извести, на которых ежегодно обжигалось 9 050 т известкового камня, в механических мастерских изготавливали инструменты, запасные детали, осуществляли перемотку электромоторов. При помощи лагеря № 211 Соломбальский СЦЗ в 1945–1947 гг. успешно справлялся с выполнением производственного плана и числился в числе передовых предприятий страны, из года в год удерживая переходящее знамя ЦК Союза бумажников.

Фото 8. Соломбальский целлюлозно-бумажный комбинат.

Здесь в 1944–1948 гг. работали военнопленные лаготделения № 1 лагеря № 211.

Источник: из личного архива А.Л. Кузьминых (фото 2011 года).

Часть военнопленных была занята на строительно-монтажных работах. Ими были построены 7 складов, 2 товарные пристани, несколько мостовых для автомобильного движения общей протяженностью 7 км, 2 заводских клуба, спортплощадка, универмаг, многоквартирный жилой дом, отремонтированы

50 жилых домов и т. д.⁵⁹ По воспоминаниям А.И. Бутакова, силами военнопленных была благоустроена территория по улице Кировской с газонами, цветниками и гипсовыми скульптурами⁶⁰.

Внесли свой вклад бывшие солдаты неприятельских армий и в строительство Северного флота. По распоряжению УНКВД Архангельской области № 13/1310 от 5 июля 1945 г. лагерем № 211 была организована подкомандировка на Архангельской судостроительной верфи Главсевморпути из 80 военнопленных-специалистов. Силами последних было спущено на воду 6 мотокатеров, баржа водоизмещением 50 т, около десятка мелких речных судов. Помимо основных работ военнопленными было выполнено разных второстепенных работ на сумму 230 тыс. руб.⁶¹

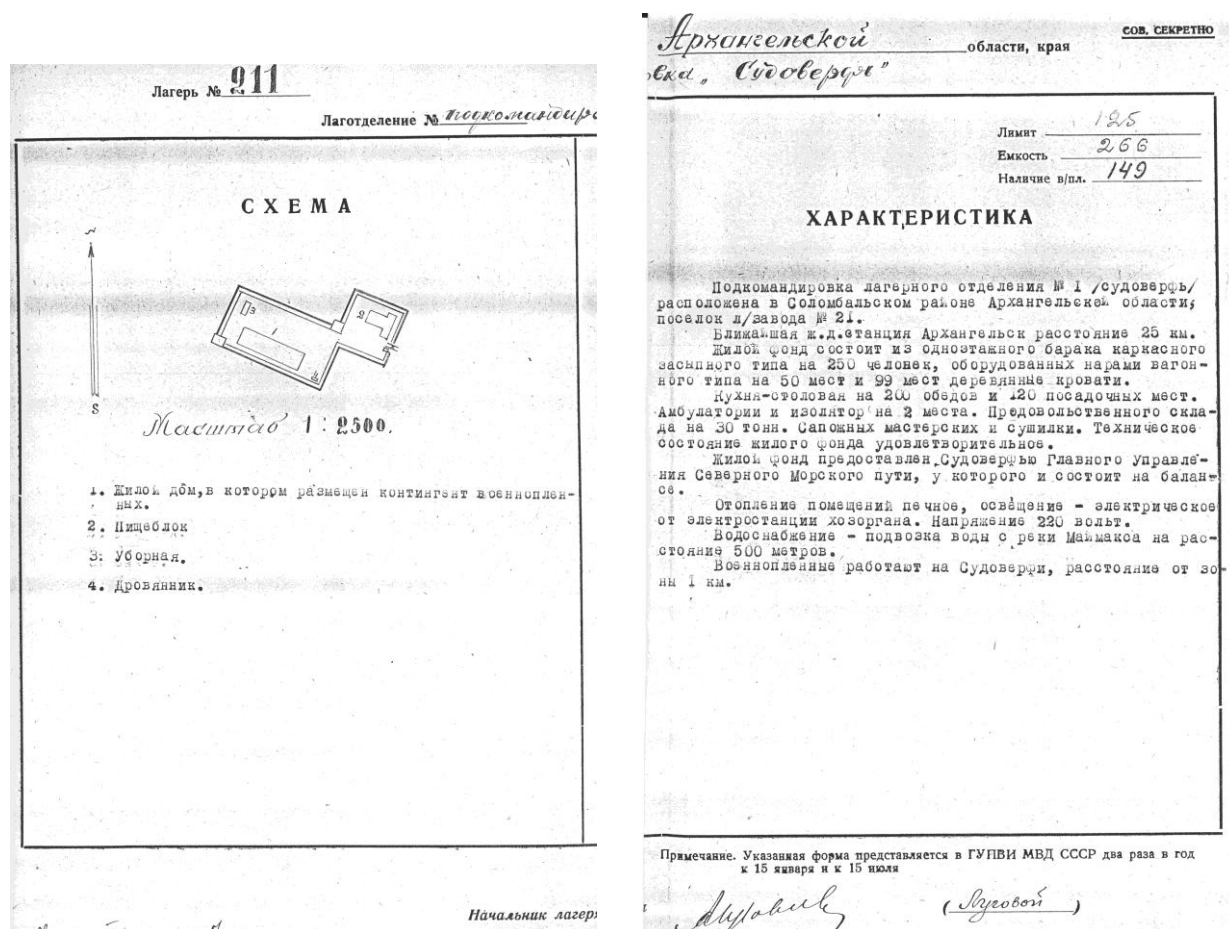

Фото 9. Схема и характеристика подкомандировки «Судоверф» лагеря № 211 (Соломбальский район, г. Архангельск). 7 февраля 1947 г.
Источник: Российский государственный военный архив.

⁵⁹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 25–26.

⁶⁰ Сульфат. История повседневности. 1930–1960-е годы. – С. 53.

⁶¹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 27.

В целом, согласно подсчетам, за весь период его существования валовая выработка лагеря составила 40 294 304 руб., а расходы на содержание лагеря – 34 587 868 руб., т. е. совокупный доход от деятельности лагеря превысил 5,7 млн руб.⁶²

Справедливости ради следует заметить, что у трудовых достижений лагеря № 211 была и обратная сторона. Чрезмерная интенсификация труда приводила к потере здоровья, а иногда и смерти военнопленных. Так, в спецсообщении от 7 сентября 1945 г. заместитель начальника областного УНКВД подполковник Быков и начальник отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД майор Варфоломеев сообщали заместителю начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-майору Ратушному о несчастном случае. 16 августа 1945 г. на лесобирже Архангельского бумажного комбината пять военнопленных были сбиты груженой тележкой с лесоматериалами, при этом югослав Франц Прогар 1921 г.р. погиб от черепно-мозговой травмы, югослав Марко Шнидарлич 1924 г.р. получил сотрясение мозга. Отмечалось, что несчастные случаи на комбинате имели место и ранее. Материалы были направлены прокурору Исакогорского района г. Архангельска для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности⁶³. Впрочем, и после этого случая грубые нарушения техники безопасности во время выполнения работ продолжались. Только в 1947 г. на Архангельском ЦБК имели место 123 случая производственного травматизма, в т. ч. 4 со смертельным исходом⁶⁴.

Труд военнопленных рассматривался не только как средство восстановления разрушенного войной народного хозяйства СССР, но и как средство перевоспитания, идеологической «перековки» бывших вражеских солдат и офицеров. На совещании коллектива Соломбальского сульфат-целлюлозного завода начальник лагеря № 211 Дубовой, касаясь вопроса об отношении к военнопленным, говорил:

Товарищи! Мы имеем дело с нашим врагом, будьте бдительны и изучайте людей. Перед нами стоит трудная задача: воспитать эту массу, чтобы, вернувшись на родину, они были агитаторами за Советский Союз⁶⁵.

⁶² Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Москва: РОССПЭН, 2017. – С. 228.

⁶³ Спецсообщения о несчастных случаях убийства военнопленных на строительстве № 203 и лагере № 220. Директивные указания об улучшении бытовых условий военнопленных на Лимендском лесокомбинате. Планы изучения «Положения о труд. использовании военнопленных» в лагере № 211 УМВД Архангельской области. 27.03.45–25.12.45 // РГВА. – Ф. 8/п. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 21.

⁶⁴ Приказы по Управлению Архангельского целлюлозно-бумажного комбината за 1948 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 175. – Л. 132.

⁶⁵ Протокол совещания партийно-хозяйственного актива Соломбальского сульфат-целлюлозного завода от 11 ноября 1944 г. // ГААО. – Ф. 2246. – Оп. 1. – Д. 123. – Л. 36.

Судя по архивным документам, денацификация и демилитаризация взглядов поляков, чехов, румын, венгров и югославов проходила быстрее, чем немцев. Военнопленные этих национальностей являлись массовыми сторонниками антифашистского движения. Многие из них понимали русский язык, активно помогали командованию в наведении порядка в лагере и на объектах работ, выполняли и перевыполняли трудовые нормы, участвовали в организации трудового соревнования. Характерно, что сразу же после прибытия в лагерь 200 поляков, 175 румын и 109 югославов подали заявление с просьбой направить их в армию, чтобы сражаться против фашизма⁶⁶.

По вполне понятным причинам наиболее враждебными к советской пропаганде оказались немцы. Они опасались открыто выступать с нацистскими высказываниями, но старалась не выдавать тех, кто их выражал. Так, в октябре 1944 г. немецкий врач Штайнберг входил в палаты больных с нацистским приветствием и был разоблачен только после заявления со стороны венгров. Политическую работу среди немцев удалось организовать только после прибытия в лагерь 74 немецких антифашистов из лагеря № 165, где они закончили антифашистские курсы⁶⁷.

Антифашистом считался тот, кто хорошо работал, был дисциплинирован и вел политическую работу среди военнопленных. Однако, несмотря на массовые «зачисления» в антифашисты, до настоящей перестройки мировоззрения и идеологических убеждений было еще далеко. Многие немцы переходили на антифашистские позиции под влиянием политической конъюнктуры, стремления улучшить материальное положение и ускорить возвращение на родину.

Основными задачами политической работы являлись: изучение настроений военнопленных и выявление их отношения к гитлеровскому режиму; разъяснение преступного характера войны со стороны нацистской Германии и справедливого характера войны со стороны СССР; разоблачение нацистской идеологии и формирование коммунистического мировоззрения; разъяснение ответственности за причиненный Советскому Союзу ущерб и необходимости добросовестного отношения к труду; воспитание демократических убеждений и организация антифашистского движения в лагере.

Руководство антифашистской работой первоначально возлагалось на оперативно-чекистский отдел. Благодаря оперативным мероприятиям удалось очистить антифашистский актив от «балласта» и «профашистских элементов». Так, в 1-м лаготделении был разоблачен работавший пропагандистом Хорст Геблер – бывший командир батальона гитлерюгенда⁶⁸.

⁶⁶ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 51–52.

⁶⁷ Там же. – Л. 54.

⁶⁸ Там же. – Л. 57.

Большинство пленных восприняли капитуляцию Германии как конец надевшей и бесперспективной войны, как приближение срока репатриации. Главными вопросами для них теперь стали будущее их стран и сроки возвращения на родину. Для разъяснения этих вопросов проводились доклады и лекции, в которых освещались решения Ялтинской и Потсдамской конференций, планы советского руководства.

Формы политической и культурно-массовой работы с военнопленными отражены в табл. 2.

Таблица 2

**Политическая и культурно-массовая работа
среди военнопленных лагеря № 211 в первом полугодии 1945 года⁶⁹**

Виды работы	Количество	Охват военнопленных
Политдоклады и политбеседы	257	27 057
Собрания	103	50 603
Политинформации	833	70 452
Выпущено стенгазет	18	-
Вечера художественной самодеятельности	10	-
Киносеансы	10	5 905

Опыт проведения политзанятий показал, что после тяжелой физической работы организовать работу с пленными лучше удавалось в рамках небольших политкружков, чем путем проведения общелагерных лекций. При групповой работе контакт между слушателями и докладчиком ощущался сильнее, следовательно, улучшалось восприятие и усвоение материала, появлялась возможность для бесед и диспутов. Начиная с весны 1945 г. в лагере организуются кружки по изучению политэкономики, марксистской теории, «Краткого курса истории ВКП(б)», докладов и речей руководителей советского государства. В июне 1945 г. в политкружках занимались 160 немцев, 635 венгров, 242 румына, 71 австриец⁷⁰.

В послевоенный период антифашистское движение в лагере значительно окрепло. К концу 1945 г. в антифашистском активе насчитывалось 232 чел., в т. ч. 139 венгров, 59 немцев, 16 евреев, 15 австрийцев, 3 румын⁷¹. К этому времени поляки, югославы и большая часть румын были репатриированы. Недостатком в политработе в 1945 г. являлось то, что инструкторы по антифашист-

⁶⁹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 58.

⁷⁰ Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – С. 312.

⁷¹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 60.

ской работе слабо ориентировались в политической ситуации в странах Восточной Европы и не знали в должной мере иностранных языков, из-за чего основной объем работы приходилось перекладывать на активистов из числа военнопленных. В большинстве лаготделений антифашистская работа была пущена на самотек.

В 1946 г. основной упор в антифашистской работе был сделан на развертывание трудового соревнования и повышение производительности труда с целью выполнения производственных планов. Главная задача заключалась в мобилизации пленных на борьбу с нарушениями лагерного режима и трудовой дисциплины. Большинство собраний касались вопросов производства. Особое значение придавалось организации стенной печати, которая была направлена на популяризацию лучших производственников, борьбу с отказчиками и симулянтами.

Бывшим солдатам и офицерам вермахта был прочитан цикл лекций и докладов о массовых злодеяниях гитлеровцев над советским мирным населением, уничтожении культурно-исторических памятников. Большинство военнопленных заявляли, что они впервые слышат о гигантских масштабах преступлений против мира и человечности и нацистских планах уничтожения «неполноценных» рас. Лишь немногие из них признавались в своем участии в карательных акциях и прочих военных преступлениях. По мнению лагерных политработников,

большая часть военнопленных не хотела раскрывать этих страшных тайн, ибо слишком многие немцы были замешаны в этих черных делах⁷².

Характерно, что в отношении нацистских преступников подавляющее большинство военнопленных требовало самой строгой кары. Опубликованные в советской печати материалы Нюрнбергского процесса были полностью доведены до пленных. Почти никто из них не решился открыто выступить с оправданием нацистских руководителей и осуждением решения Международного военного трибунала. Однако лагерными осведомителями были зафиксированы высказывания отдельных профашистски настроенных лиц, которые в кругу своих товарищей выражали «скорбь» и «соболезнование». Так, врач Эрвин Фишер говорил:

Все, кто сидит на скамье подсудимых в Нюрнберге, являются настоящими героями германского народа и больно видеть, как издеваются над ними⁷³.

⁷² История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 62.

⁷³ Там же. – Л. 63.

В соответствии с приказом МВД СССР № 00933 от 19 октября 1946 г. при ГУПВИ был создан политический отдел, на который было возложено руководство политической работой среди военнопленных. В ноябре 1946 г. политотдел в составе 6 чел. был организован в лагере № 211. Его возглавил капитан М.И. Дурапов⁷⁴. Организация политотдела имела исключительное значение для проведения антифашистской работы. Теперь она дифференцировалась в зависимости от социального происхождения и возраста военнопленных. Были сформированы кружки, которые объединяли пленных по профессиональному принципу (крестьяне, рабочие, врачи, педагоги, юристы и т. д.). Например, в кружках рабочих обсуждались социальная политика в советской оккупационной зоне в Германии и положение рабочих в западных зонах оккупации, в кружках педагогов – темы, связанные с новациями в образовании и изучением советской семьи и школы и т. п. В апреле 1948 г. в лагере была проведена конференция военнопленных педагогов, на которой директор средней школы № 80 Бавыкин подробно рассказал о советской системе образования.

В 1947 г. складывается окончательная структура лагерного политаппарата. Вводятся штатные должности функционеров по антифашистской работе: 5 чел. – на управление лагеря, 3 чел. – на каждое лаготделение. Руководство политработой осуществлял заместитель начальника управления лагеря по политической части и начальник отделения по антифашистской работе. Непосредственно проводил политработу руководитель антифашистского актива, которому подчинялись 3 функционера: заместитель руководителя актива по работе среди молодежи, инструктор кружков политвоспитания и организатор культурно-массовой работы. Структура политаппарата в лагерных отделениях включала в себя 3 должности: руководитель антифашистского актива, старший пропагандист и руководитель художественной самодеятельности⁷⁵.

⁷⁴ Приказ Управления МВД по Архангельской области № 0075 «О создании Политотдела при Управлении лагеря № 211 МВД для военнопленных» от 30 ноября 1946 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 75. – Л. 247–249. В связи с сокращением военнопленных в январе 1948 г. политотдел ликвидируется, а организация политической работы передается политаппарату лагеря. В соответствии с приказом УМВД по Архангельской области № 004 от 9 января 1948 г. политаппарат Управления лагеря № 211 насчитывал 3 штатных единицы в лице заместителя начальника Управления лагеря по политической части, старших инструкторов по организационно-партийной и антифашистской работе. Кроме того, в штат л/о № 2 была введена должность заместителя начальника лаготделения по политической части. См.: Приказ Управления МВД по Архангельской области № 004 «Об упразднении Политотдела лагеря МВД № 211 для военнопленных» от 9 января 1948 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 85. – Л. 146–147.

⁷⁵ Директива МВД СССР № 112 «О введении в лагерях и лаготделениях функционеров антифашистской работы из состава антифашистского актива и порядке их содержания» от 7 июля 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 503. – Л. 81–81 об.

На основании директивы ГУПВИ от 28 февраля 1947 г. все зачисленные в антифашистский актив военнопленные были проверены, а те, кому было отказано в доверии, были вычеркнуты из списков антифашистов. Отныне в актив зачислялись только те пленные, которые вели активную политическую работу, являлись бригадирами или командно-хозяйственными функционерами, принимали участие в организации трудового соревнования. Включение в список антифашистов производилось после утверждения кандидатуры начальником лагерного политотдела.

Трудность политической работы с военнопленными в 1947 г. заключалась в ухудшении их физического состояния из-за неурожая и голода 1946–1947 гг. Отправка на родину больных и нетрудоспособных отрицательно сказалась на моральном состоянии лагерного контингента, в т. ч. антифашистского актива. Появилась тенденция, направленная на умышленное ухудшение физического состояния, вплоть до членовредительства. Широкое распространение получили симуляция и самоистощение. Данные формы «самовредительства» подвергались жесткой критике со стороны антифашистского актива. Политаппарат и лагерный актив развернули работу по поднятию морального духа военнопленных. Среди них проводились лекции о вреде членовредительства, был усилен контроль за приемом пищи, проводились публичные осуждения разоблаченных членовредителей и симулянтов.

Недостаточная осведомленность о положении в своих странах предопределила широкое хождение среди военнопленных всевозможных слухов и толкований. Часть пленных придерживалась прозападной ориентации и одобряла решения западных держав в отношении послевоенного устройства Германии, другая часть – поддерживала советский вариант решения германского вопроса. Основная же масса пленных слабо ориентировалась в том, что представляют политические партии в их странах и каковы их программы.

Политическая работа в лагере создавала иллюзию участия в политической жизни своих стран. Так, венгерские военнопленные лагеря № 211 в резолюции по поводу отставки и бегства за границу бывших членов правительства Венгрии писали:

Мы единодушно поддерживаем требования демократических партий Венгрии о возвращении этих преступников на родину для ответа перед народом... Мы, военнопленные, выражаем свою готовность поддержать новый состав правительства и укрепление советско-венгерской дружбы путем дальнейшего повышения производительности труда, укрепления дисциплины, строгого соблюдения лагерного режима и беспощадной борьбы против деятельности реакционных элементов⁷⁶.

⁷⁶ Цит. по: *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.): монография. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – С. 193.

Данная резолюция, принятая единогласно и скрепленная 1 300 подписями, по канонам того времени завершалась овацией в адрес «вождя всего передового человечества генералиссимуса Советского Союза Великого Сталина».

С началом «холодной войны» политическая работа направляется на разоблачение политики англо-американского блока, плана Маршалла и доктрины Трумэна. «Фултонская речь» У. Черчилля многими пленными была расценена как объявление войны СССР, что вылилось в массу панических слухов и настроений⁷⁷. Пытаясь превратить военнопленных в своих союзников в противостоянии Востока и Запада, политработники объясняли им, что «американские империалисты» возрождают фашистские войска в Германии и готовятся развязать новую мировую войну ради «бредового плана мирового господства». Отработанный за годы войны образ врага снова был пущен в оборот. Одновременно отмечалось, что Советский Союз «стоит в авангарде борцов за мир» и «возглавляет крепнущий изо дня в день лагерь мира, демократии и социализма»⁷⁸.

Конец 1947 г., ознаменованный денежной реформой и отменой карточной системы в Советском Союзе, поднял настроение военнопленным. Тем более, что наступал 1948 г., который обещал завершение репатриации. Питание военнопленных к этому времени значительно улучшилось за счет собственного заработка. Авторитет СССР, сумевшего быстро справиться с послевоенной разрухой, неизмеримо вырос в глазах бывших солдат и офицеров вермахта. Значительная часть из них приобрела к этому времени «устойчивые демократические убеждения и готовность бороться за демократические преобразования в своих государствах»⁷⁹. Проведенное в феврале 1948 г. в лагере анонимное анкетирование показало, что 97 % пленных являются сторонниками единой Германии, 88,5 % выступают против политики лидера Социалистической единой партии Германии К. Шумахера и 91 % обвиняют в срыве Лондонской сессии Совета министров иностранных дел правительства западных стран и, прежде всего, США.

В феврале 1948 г. на основании специальной директивы ГУПВИ в каждом лаготделении путем тайных демократических выборов были созданы антифашистские комитеты, на которые было возложено руководство работой функционеров и антифашистского актива. Кроме того, антифашистские комитеты

⁷⁷ Протокол № 3 закрытого комсомольского собрания при лагере № 220 от 3 марта 1946 г. // ОДСПИ ГААО. – Ф. 1451. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 13–14.

⁷⁸ *Полежаев А.А.* За новый подъем экономики и культуры Архангельской области: Материалы для лекторов, докладчиков и агитаторов. – Архангельск: Архангельское областное государственное издательство, 1952. – С. 17–19.

⁷⁹ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 75.

взяли на себя организацию всех политических и культурно-массовых мероприятий и добились регулярности в их проведении.

В марте 1948 г. военнопленными венграми в лагере № 211 был проведен национальный праздник в честь 100-летия венгерской буржуазно-демократической революции. На торжественном заседании было принято приветствие в адрес венгерского правительства. Военнопленные заключили трудовой договор, согласно которому обязались ежемесячно выполнять производственные нормы не ниже, чем на 135 %. Среди пленных немцев была проведена кампания сбора подписей за единую Германскую Демократическую Республику, в процессе которой за целостность государства было собрано 98,2 % подписей⁸⁰.

Решение проблемы формирования «нового человека» в условиях лагеря подкреплялось контролем над досугом военнопленных. В частности, большое внимание уделялось культурно-массовой работе. Под организацию лагерных клубов и библиотек выделялись помещения, были организованы оркестры, хоры и драматические кружки. В 1945 г. коллективами художественной самодеятельности лагеря № 211 было поставлено 6 пьес и проведено 18 концертов⁸¹.

В 1945 г. лагерь получил широкоплечный киноаппарат и организовал показ кинокартин. Лагерная фильмотека включала в себя советские фильмы «Трактористы», «Как закалялась сталь», «Каменный цветок», «Петр I», «Адмирал Нахимов», «Василиса Прекрасная», «Солистка балета», «Парад в Москве», «Белый клык», «Волга – Волга», «Цирк», «Пушкин», зарубежные – «Серенада солнечной долины», а также трофейные фильмы на немецком языке – «Девушка моей мечты», «Они не скроются», «Берлин», «Ты – мое счастье», «Где моя дочь». Перед показом для лучшего понимания пленным разъяснялись смысл и содержание русскоязычных картин.

Большую роль в культурно-массовой работе играли библиотеки. Книжный фонд подбирался в соответствии с национальным составом военнопленных. В библиотеки поступали советские газеты и журналы: «Правда», «Известия», «Новый мир», «Новое время», немецкоязычные – “Nachrichten”, “Tribune”, “Tägliche Rundschau” и др. Книги выдавались пленным на руки, периодически изданиями пользовались в читальной комнате. Подшивки газет оформлялись в альбомы, которые выставлялись для ознакомления в витринах клуба и бараках. При лагерных библиотеках действовали литературные кружки, которые организовывали публичные читки художественных произведений. Фонд книг, представленный главным образом изданиями политического содержания, постепенно обогащался за счет художественной литературы. Так, лагерем

⁸⁰ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 78–79.

⁸¹ Там же. – Л. 60.

№ 211 была установлена связь с Архангельской областной библиотекой, которая предоставила лагерю более 500 экз. немецкоязычных художественных изданий. Кроме того, пленные получили возможность ознакомиться с произведениями русских и советских классиков: Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М. Горького, А.Н. Толстого, М.А. Шолохова и др.⁸²

С лета 1945 г. в лагере была развернута спортивно-массовая работа. Только в августе 1945 г. в лагере было проведено 11 футбольных матчей. Спортивные мероприятия привлекали много зрителей из числа пленных, которые внимательно следили за ходом игры и активно реагировали на успехи и неудачи той или иной команды.

В 1947 г. художественными коллективами лагеря № 211 было поставлено 12 пьес, в т. ч. «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Русский вопрос» К.М. Симонова и др. Кроме того, было проведено более 100 концертов с исполнением народных песен, рассказов и танцев, 52 киносеанса.

Особое внимание в послевоенные годы стало уделяться такой форме культурной работы как организация экскурсий военнопленных в городские библиотеки, театры, цирки, музеи. Это давало пленным возможность самим составить представление об уровне жизни в СССР. Так, с марта по июнь 1948 г. лагерем № 211 было проведено 7 таких экскурсий, в которых участвовали 145 лучших производственников и активистов.

В связи с репатриацией военнопленных немецкой национальности, хронически больных и нетрудоспособных военнопленных, а также отправкой 1 200 пленных на угольные шахты Донбасса, контингент лагеря № 211 к октябрю 1947 г. сократился до 2 333 чел. В январе 1948 г. в составе лагеря числилось четыре лаготделения: № 1 (г. Архангельск) на 900 чел. при Соломбальском сульфат-целлюлозном заводе, № 2 (г. Архангельск) на 600 чел. при Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате, № 3 (г. Молотовск) на 500 чел. при военно-морском строительстве № 203, № 4 (разъезд Ломовое) на 300 чел. при карьере строительства № 203⁸³.

В начале 1948 г. из лагеря было репатрировано 195 больных, в мае 1948 г. – еще 250 чел. После этого лагерное отделение № 3 в Молотовске было расформировано, а его контингент переведен в лагерные отделения № 2 и № 4. На 1 июня 1948 г. в лагере содержалось 1 711 чел., которые размещались в трех

⁸² История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 57.

⁸³ Приказ УМВД по Архангельской области № 001 «Об организационных изменениях в составе лагеря МВД для военнопленных № 211» от 5 января 1948 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 85. – Л. 1.

лагерных отделениях: № 1 (Соломбальский СЦЗ) – 839 чел., № 2 (Архангельский ЦБК) – 444 чел., № 4 (карьер Ломовое) – 428 чел.⁸⁴

На основании приказа МВД от 29 июля 1948 г. № 00915 лагерь № 211 был передислоцирован в г. Вытегру Вологодской области и перепрофилирован в режимный лагерь для содержания военнопленных, отстраненных от репатриации по различным основаниям (участие в совершении военных преступлений, служба в немецкой разведке, полиции и т.п.). Лагерные отделения № 1 при Соломбальском СЦЗ и № 4 при каменном карьере были расформированы, а оставшийся контингент сконцентрирован в лаготделении № 2 при Архангельском ЦБК с подкомандировкой на ст. Ломовое при строительстве № 203. На основании приказа МВД № 001240 от 19 октября 1948 г. лагерное отделение № 2 было расформировано⁸⁵.

В целом, комплексный анализ процесса формирования и функционирования Соломбальского лагеря № 211 позволяет сделать ряд общих выводов и наблюдений. Важнейшей причиной создания лагерей военнопленных на Архангельском Севере была потребность местной экономики в рабочей силе. В условиях призыва значительной части мужского населения на фронт, обезоруженные вражеские военнослужащие стали своеобразным «донором», позволяющим поддерживать производство в условиях дефицита трудовых ресурсов. Большинство военнопленных в Архангельске и его окрестностях были заняты на предприятиях целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Их труд также активно использовался в промышленном и жилищном строительстве, судостроении, сельском хозяйстве, различных подсобных работах.

В советском плену велась планомерная работа по антифашистскому перевоспитанию военнопленных. Для этого использовался широкий спектр форм и методов агитации и пропаганды, убеждения и принуждения. Несмотря на тяготы плена, большинство бывших солдат и офицеров гитлеровской армии и ее союзников освободились от идеологии нацизма и милитаризма, стали сторон-

⁸⁴ История лагеря военнопленных № 211 МВД СССР. 1944–1949 гг. // РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 35а. – Д. 32. – Л. 13; Приказ УМВД по Архангельской области № 0031 «О расформировании 3-го лагерного отделения для военнопленных № 211 МВД» от 6 апреля 1948 г. // Архив УМВД России по АО. – Ф. 3. – Д. 86. – Л. 7–8.

⁸⁵ Приказ УМВД по Архангельской области № 0066 «О реорганизации Управления военнопленными, находящимися в лагере МВД № 211» от 13 августа 1948 г. // Архив УВД АО. – Ф. 3. – Д. 86. – Л. 114–115; Приказ УМВД по Архангельской области № 0094 «О создании комиссии для ликвидации 2-го лаготделения для военнопленных» от 4 ноября 1948 г. // Архив УВД АО. – Ф. 3. – Д. 86. – Л. 197; Приказ № 429 по Управлению Архангельского бумажного комбината «По осмотру и приему жилых и бытовых помещений и инвентаря лагеря военнопленных, подлежащего сдаче комбинату» от 18 октября 1948 г. // ГААО. – Ф. 3543. – Оп. 1. – Д. 176. – Л. 274.

никами развития своих стран по мирному и демократическому пути. Одновременно пленным внушалась мысль о прогрессивности советской модели общественного устройства, а репатрианты рассматривались как агенты советского влияния в европейских странах.

В суровых условиях военной действительности была организована система жизнеобеспечения военнопленных, которая включала получение ими пусть скудного, но регулярного питания, вещевого довольствия, оказание медицинской помощи. Несмотря на неблагоприятные природно-климатические условия Архангельского Севера, сотрудникам лагеря удалось сохранить жизнь и здоровье большинству военнопленных и обеспечить их возвращение на родину.

During the Second World War and after its end, over 5 million people went through Soviet captivity. The history of the “the GUPVI Archipelago,” as researchers often figuratively call the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees of the NKVD-USSR was reflected in the works of I. Bezborodova, V. Vsevolodov, V. Galitskii, M. Dzhusti, A. Epifanov, S. Karner, E. Katasonova, V. Konasov, S. Kuznetsov, N. Lebedeva, A. Lehmann, P. Polyan, S. Sidorov, D. Frolov, A. Hilger, E. Scherstjanoi and other historians.¹ In the territory of the post-

¹ I.V. Bezborodova, *Prisoners of the Second World War: Wehrmacht Generals in Captivity* [in Russian] (Moscow: RGGU, 1998); V.A. Vsevolodov, *‘Go in peace’: to the History of the Repatriation of German Prisoners of War from the USSR (1945–1958)* [in Russian] (Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2010); V.P. Galitskii, *Finnish Prisoners of War in the NKVD Camps (1939–1953)* [in Russian] (Moscow: Graal', 1997); M.T. Dzhusti, *Italian Prisoners of War in the USSR. 1941–1954* [in Russian], ed. by M. Talalai, translated by M. Talalai (St Petersburg: Aleteiya, 2010); A.E. Epifanov, *The Stalingrad captivity of 1942–1945 (German prisoners of war in the USSR)* [in Russian] (Moscow: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 1999); E.L. Katasonova, *Japanese Prisoners of War in the USSR: a Great Game of Great Powers* [in Russian] (Moscow: Institut vostokovedeniya RAN; Kraft +, 2003); V.B. Konasov, *The Fate of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem: Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996); S.I. Kuznetsov, *The Japanese in Siberian Captivity (1945–1956)* [in Russian] (Irkutsk: Sibir', 1997); A.L. Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR (1939–1956): A Monograph* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2016); N.S. Lebedeva, *Katyn: A Crime against Humanity* [in Russian] (Moscow: Progress, 1994); P.M. Polyan, *Against Their Will: the History and Geography of Forced Migrations in the USSR* [in

Soviet space, the regional historiography of the history of Soviet captivity and internment is being actively developed.²

The history of the stay of foreign prisoners of the Second World War in the Arkhangelsk North can rightfully be named among little studied ones, which is not the case for other regions of the former USSR. Certain aspects of the history of captivity and internment in Arkhangelsk Oblast were reflected in the publications of V. Korotaev, T. Miller and the author of this article.³ This article aims to provide a

Russian] (Moscow: OGI-Memorial, 2001); A.B. Popov, *Prisoners of the Great War: Foreign Prisoners of War in the USSR in 1941–1945* [in Russian] (Rostov-on-Don: Rostovskii universitet, 2000); S.G. Sidorov, *Labour of prisoners of War in the USSR in 1939–1956* [in Russian] (Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 2001); E.M. Tsunaeva, *Institutions of Military Captivity of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)* [in Russian] (Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010); D.D. Frolov, *Soviet-Finnish Captivity. 1939–1944. On Both Sides of the Barbed Wire* [In Russian] (Helsinki: RME Group Oy; St. Petersburg: Aleteiya, 2009); R. Dähler, *Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten* (Vienna; Berlin: LIT, 2007); K.-H. Frieser, *Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee "Freies Deutschland"* (Mainz: Hase&Koehler Verlag, 1981); A. Hilger, *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* (Essen: Klartext-Verlag, 2000); S. Karner, *Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956* (Vienna; Munich: Oldenbourg Verlag, 1995); A. Lehmann, *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion* (Munich: Beck, 1986); E. Scherstjanoi, *Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten* (Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010).

² E.Yu. Bondarenko, *Foreign Prisoners of War in the Russian Far East (1914–1956)* [in Russian] (Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet, 2002); S.S. Bukin, *Prisoners of war in Novosibirsk. Historical essay and documentary collection* [in Russian] (Novosibirsk: Nauka-tsentr, 2005); L.I. Vavulinskaya, *Special Settlers and Foreign Prisoners of War in Karelia in the Mid-1940s – Mid-1950s* [in Russian] (Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013); A.A. Dolgolyuk and N.M. Markdorf, *Foreign Prisoners of War and Internees in Siberia (1943–1950)* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2016); A.L. Kuz'minykh, S.I. Starostin, and A.B. Sychev. 'Now I've Come to the Ends of the World...': *Essays and Documents: in 2 parts*, part 1, *From the History of Institutions of Confinement of Foreign Prisoners of War and Internees in Vologda Oblast (1939–1949)* [in Russian] (Vologda: [n.p.], 2009); O.V. Potyl'chak, *Soviet Military Captivity and Internment in Ukraine (1939–1954)* [in Ukrainian] (Kiev: Natsional'nyi pedagogichnyi universytet im. M.P. Dragomanova, 2004); N.V. Surzhikova, *Foreign Prisoners of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956)* [in Russian] (Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006); A.S. Chaikovskii, *Military Captivity. For One's Own Sins and the Sins of the Others (Prisoners of War and Internees in Ukraine 1939–1953)* [in Russian] (Kiev: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2005); A.V. Sharkov, *The GUPVI Archipelago: Prisoners of War and Internees in the Territory of Belarus: 1944–1951* [in Russian] (Minsk: Tesei, 2003).

³ V.I. Korotaev, "The Problem of Survival of Prisoners of War in Soviet Camps on the Materials of Camp No. 211, 1944–1948" [in Russian], *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 4 (2008): 11–18; V.I. Korotaev, "The Problem of Socialist Re-education of Prisoners of War in 1944–1948 on the Materials of Camp No. 211" [in Russian],

comprehensive analysis of the process of the establishment and functioning of the largest camp for prisoners of war and internees in Arkhangelsk Oblast, namely the Solombala Camp No. 211 of the NKVD-MVD. The article is based on archival documents from central and local state and departmental archives, as well as various sources of personal origin.

The prisoner-of-war Camp No. 211 was founded by orders No. 00869 of the Main Directorate of State Security of People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) of the USSR as of July 21, 1944 and No. 0067 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Directorate as of August 7, 1944, on the use of prisoners of war at the enterprises of the People's Commissariat of Pulp and Paper Industry. Lieutenant Colonel of State Security A. Cherepanov was appointed Head of the Camp which was initially intended for the accommodation of 5,000 people, with Senior Lieutenant F. Gnevashev as Deputy Head.⁴ Cherepanov had previously held the position of Deputy Head of the Directorate of Forced Labour Camps and Colonies of Kemerovo Oblast (later Lieutenant Colonel N. Dubovoi became head of the camp).

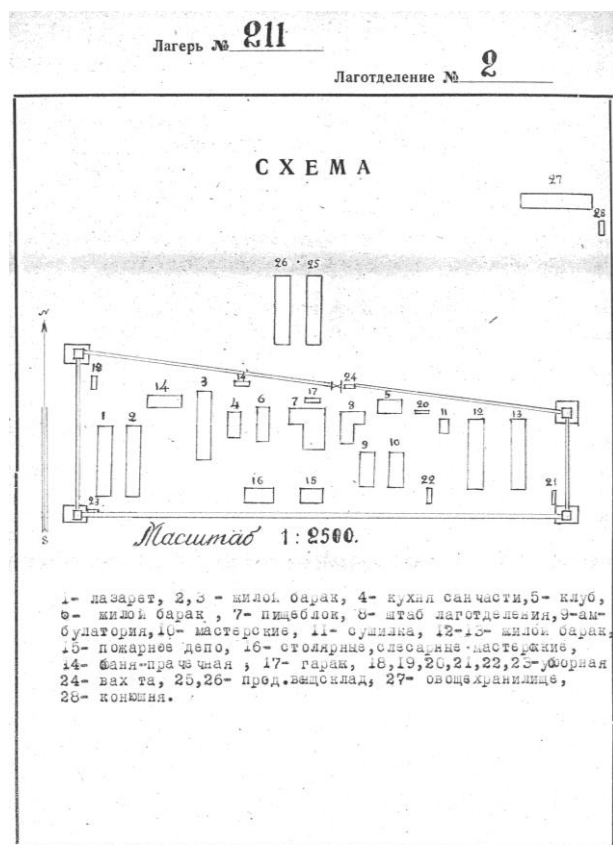
The camp administration was located in the settlement named after V. Molotov in Solombala district of Arkhangelsk, at the address Industrialnaya Ulitsa, 7.⁵ The camp structure also included two subcamps. Subcamp No. 1 for 3,000 people was located on the basis of the 6th section of the Directorate of Forced Labour Camps and Colonies of the oblast NKVD Administration at the Solombala Kraft Pulp Mill (Solombala District of the city of Arkhangelsk). Subcamp No. 2 for 2,000 people was located on the basis of the special camp of the NKVD at the Arkhangelsk Paper Mill (Isakogorsky District of the city of Arkhangelsk). The personnel of the Administration of Camp No. 211 amounted to 53 persons; of subcamp No. 1, to

Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 1 (2009): 18–26; A.L. Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2017); A.L. Kuz'minykh and T.F. Mel'nik, "Prisoners of War in Molotovsk: 1944–1948" [in Russian], in *Pomor Chronicler: an Almanac*, iss. 2, comp. V.A. Volynskaya, ed. V.N. Bulatova (Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2009), 267–87; A.L. Kuz'minykh, "Peculiarities of Formation and Functioning of the System of Bodies and Institutions of Military Captivity and Internment in Arkhangelsk Oblast (1944–1948)" [in Russian], in *Historical Yearbook. 2012: a Collection of Scientific Works*, ed. A.Kh. Elert (Novosibirsk: Parallel', 2012), 265–88.

⁴ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 1a. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] (RGVA), Moscow, Russia.

⁵ "Spravka po organizatsionnym voprosam raboty OPVI UNKVD Arkhangel'skoi oblasti, podlezhashchim utochneniyu i resheniyu v GUPVI NKVD SSSR ot 5 noyabrya 1945 year" [Inquiry on the organizational issues of the work of the Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD (OPVI) of Arkhangelsk Oblast, to be clarified and decided by the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees (GUPVI) of the NKVD of the USSR as of November 5, 1945]. F. 8/p, op. 5, d. 5, l. 84. RGVA.

53 persons; of subcamp No. 2, to 58 persons.⁶ The housing stock of the subcamps consisted of one-storey wood-framed barracks with two-tier bunks. Both subcamps also had the following infrastructure: headquarters, canteens, infirmaries, baths, kitchens, disinfection chambers, storerooms, as well as automobile and horse-drawn vehicles.⁷

Архангельской области, край СОВ. СЕКРЕТНО

Лагерь № 211
Лаготделение № 2

Лимит 1300
Емкость 1800
Наличие в/п. 1057

ХАРАКТЕРИСТИКА

Лаготделение расположено на поселке Архангельского бумажного комбината имени Ворошилова Исакогорского района Архангельской области.

Ближайшая железнодорожная станция Исакогорна расстояние 1,2 км.

Милитсад состоит из одноэтажных барачных каркасно-защитного типа на 240 человек каждый, оборудованных сплошными нарами и частично вагонного типа.

Амбулатории лазарета на 30 коек, кухни-столовой на 2000 обедов и 200 посадочных мест. Ваны, железкамеры на 35 человек в час, прачечной - 150 кг белья в сутки. Продвец - склада на 350 тонн, овощехранилища на 350 тонн. Сапожно - портновских мастерских.

Личный состав лаготделения размещен на поселке комбината. Техническое состояние жилого фонда удовлетворительное. Жилой фонд лагеря предоставлен Архбумкомбинатом имени Ворошилова Министерства Целлюлозно-бумажной промышленности, у которого и состоит на балансе.

Отопление помещений печное, освещение - электрическое от электростанции хозяйства.

Водоснабжение - заводской водопровод, дебет воды достаточный.

Восполняемые работают на Архбумкомбинате имени Ворошилова расстояние в радиусе 0,5 до 4 км.

Примечание. Указанная форма представляется в ГУПВИ МВД СССР два раза в год к 15 января и к 15 июля

агерь *И.И.Иванов* (*С.С.Сидоров*)

Fig. 1. Layout and characteristics of subcamp No. 2 of the Solombala Camp No. 211 at the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill
Source: Russian State Military Archive

⁶ “Prikaz Upravleniya NKVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0067 ot 7 avgusta 1944 g. s ob'yavleniem shtata Upravleniya lagerya voennoplennykh” [Order No. 0067 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration as of August 7, 1944 with the announcement of the staff list of the POW Camp Administration]. F. 3, d. 59, ll. 125–126. Arkhiv Upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po Arkhangel'skoi oblasti [Archive of the Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Arkhangelsk Oblast] (Arkhiv UMVD Rossii po AO), Arkhangelsk, Russia.

⁷ “Pasport lagerya NKVD № 211 dlya voennoplennykh ryadovogo sostava ot 20 dekabrya 1945 g.” [Passport of the NKVD Camp No. 211 for POW privates as of December 20, 1945]. F. 8/p, op. 5, d. 1, ll. 88–91. RGVA.

The first group of prisoners of war of 1,750 persons (mainly Germans, Romanians, Poles and Hungarians) arrived in Subcamp No. 1 on October 4, 1944. The camp employee, Major Kirillov, who participated in the reception of the special train, described this event as follows:

The group of prisoners arrived late in the evening on October 4, 1944. Despite the late hour, word quickly got around among the population about the arrival of prisoners of war. As they approached the camp guard, large groups of the population gathered on the sides, as it was the first time that they saw the soldiers of the “vaunted Hitler’s army” . . . There were exclamations: “Done with the war!”, “Murderers, rapists!”, “Here they are, the representatives of the higher race!”⁸

The prisoners looked terribly. Exhausted, dirty, lice-ridden, they barely reached to the camp. While passing through the camp entrance checkpoint, five people died. In the following days, 14–15 people died every day. 1,580 persons (90 %) of those who had arrived to the camp needed urgent hospitalization.

The second group of prisoners which included 1,497 people (mainly Hungarians) arrived on October 16, 1944 from the city of Roman (Romania) in much worse physical condition. While they were disembarking the train, three corpses were found in the wagons. All prisoners were lice-infested, many suffered from dysentery, typhoid fever and typhus, and some of them were unconscious. During transportation to the camp, 7 people died and the following day another 12 people died. 267 people from this second group were sent to Subcamp No. 1 and 1,230 people were sent to Subcamp No. 2.⁹

The third group of prisoners which consisted of 1,500 people (of different nationalities) arrived from Camp No. 176 of the Gorky Oblast (Oranky Village) on May 8, 1945 in “satisfactory condition.” Subsequently, prisoners arrived in small groups of 7 to 50 people. In total, 7,654 prisoners of war and internees of 20 nationalities passed through the camp. Among them, Germans (45 %), Hungarians (36 %), Romanians (6 %), Austrians (4 %), and Poles (3 %) predominated.

After the prisoners had arrived, it turned out that both subcamps were not fully prepared for their accommodation. According to the NKVD standards, the norm of living space per prisoner of war was to be 2 square meters. However, an inspection revealed that 1,224 prisoners of war were placed in the premises of 1,200 square meters, which means that every prisoner of war received less than 1 square meter of living space.¹⁰

⁸ Cited in “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 3. RGVA.

⁹ Ibid, l. 4.

¹⁰ “Prikaz Upravleniya NKVD po Arkhangel'skoi oblasti № 00111 ‘O rezul'tatakh proverki gotovnosti lagerya voennoplennykh № 211’ ot 11 noyabrya 1944 g.” [Order No. 00111 of the

By order No. 263 of the NKVD of the USSR as of December 11, 1944, subcamp No. 3 was founded in the structure of Camp No. 211 in Kuliga Village of the Telegovsky Selsoviet (Rural Council) in Krasnoborsk Raion of Arkhangelsk Oblast, 550 kilometers from the camp along the Northern Dvina River. It was tasked with providing prisoners of war and camp personnel with vegetables and animal products. The camp began setting up a subsidiary farm in the spring of 1945, with living and utility rooms, agricultural equipment, draft animals, and seed stock to be purchased from the collective farms of the Telegovsky Selsoviet. By decisions of the Executive Committee of Arkhangelsk Oblast and the Executive Committee of the Krasnoborsk Raion, 250 hectares of low-fertile land overgrown with forest and shrubs were allocated for temporary use by the subsidiary farm. No grasslands were allocated to the camp, as a result of which the subsidiary farm did not have a forage base for the development of livestock farming.

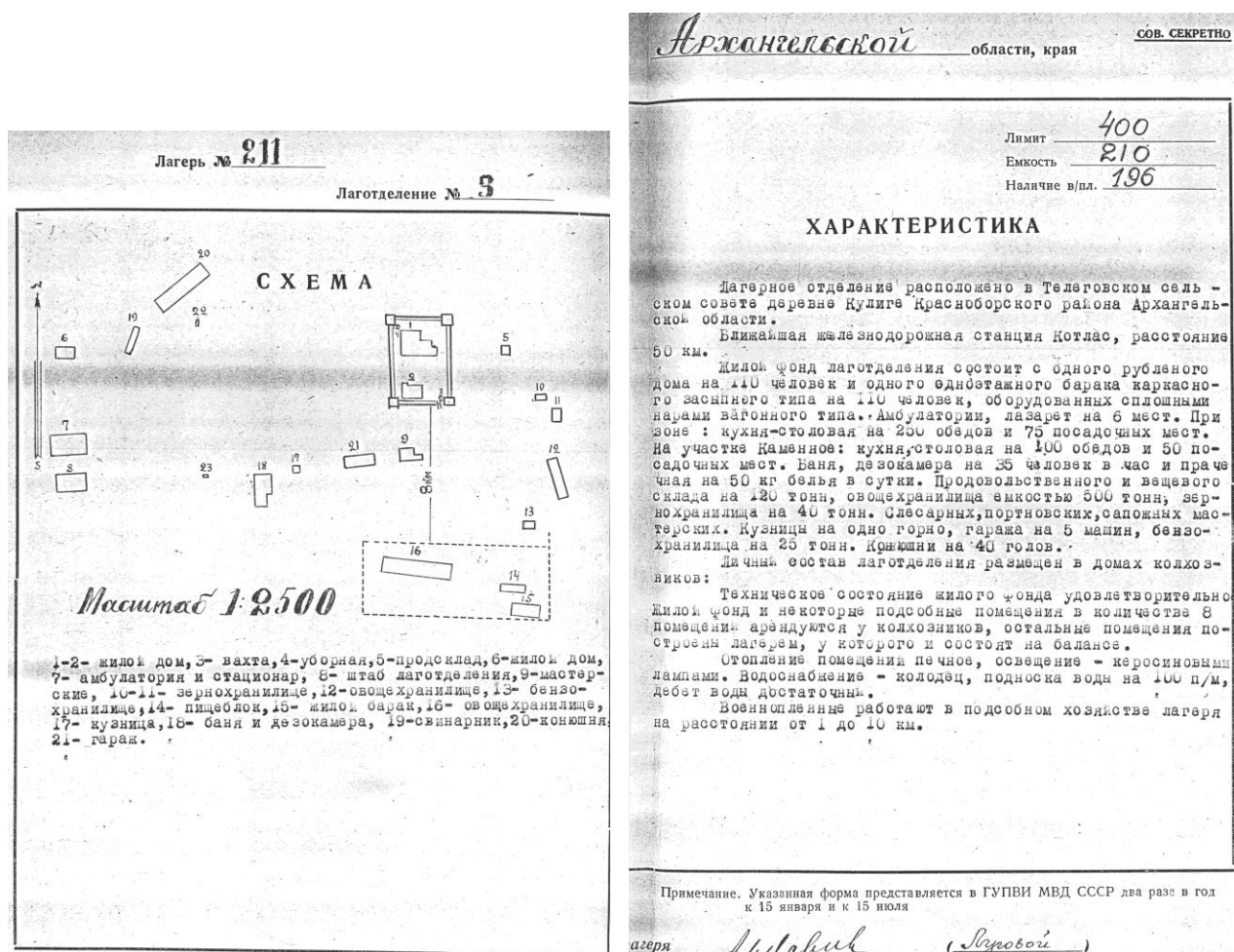

Fig. 2. Layout and characteristics of Subcamp No. 3 of the Solombala Camp No. 211 (Kuliga Village in Krasnoborsk Raion of Arkhangelsk Oblast)
Source: Russian State Military Archive

Arkhangelsk Oblast NKVD Administration 'On the results of readiness inspection of the POW Camp No. 211' as of November 11, 1944]. F. 3, d. 59, l. 206. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

Major Mikhalenkov, an agronomist by education, was appointed as head of the subsidiary farm. Livestock technicians, veterinarians, machine operators, vegetable growers were selected from among the prisoners. In 1945, the population of Subcamp No. 3 amounted to 200 people, and in 1946, to 300 people.¹¹ In the spring and summer periods, when labour was needed, the barracks were overcrowded. After harvesting and sending the harvest to Arkhangelsk, several dozens of prisoners stayed to maintain the farm in wintertime.¹² In the village, the prisoners walked unescorted, communicated with local residents, exchanged their own handicrafts for eggs, milk and bread. The camp had its own medical unit with a Hungarian doctor, who also treated the local population.¹³

In 1945–47, the prisoners, mainly Hungarians and Romanians, built two barns, a grain dryer, a pigsty, a stable, an icehouse, a forge, a garage, a gas storage, a workshop for repairing and sewing clothes, two kitchens, a laundry room, a bunk house, and a barbed wire fence with observation towers in Kuliga Village. In addition, agricultural equipment, draft animals, a car, tractors, as well as petrol, oil and lubricants were purchased. The prisoners cleared, pulled out and ploughed 200 hectares of fallow and virgin land, and a significant amount of organic and mineral fertilizers were transported to the fields. In 1945 area under crops amounted to 100 hectares; in 1946, to 213 hectares; in 1947, to 125 hectares.¹⁴

Despite the high costs, the subsidiary farm did not justify itself: transportation was carried out with great difficulties, there was no forage supply, and crop yield was low. The subsidiary farm was in a particularly critical condition after the winter of 1945–46. Seed stock was partially spent on planned supply. Lack of animal feed caused cattle mortality.¹⁵

Following the situation, Camp No. 211 petitioned the Arkhangelsk Oblast MVD Administration to liquidate the subsidiary farm. By order No. 001118 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Subcamp No. 3 was disbanded in March 1948. The land and buildings were transferred to collective farms, property and material values

¹¹ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 10. RGVA.

¹² V. Koksharov, A. Berg, “POW Camp in Telegov” [in Russian], *Znamya*, April 5, 1990, 4.

¹³ I. Irkha, “Not to Consider as Traitors!” [in Russian], *Arkhangelsk*, September 17, 1998, 7.

¹⁴ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 11. RGVA.

¹⁵ “Prikaz Upravleniya NKVD po Arkhangel'skoi oblasti № 02 ‘O rezul'tatakh proverki 3-go lagotdeleniya lagerya NKVD № 211 i podsobnogo khozyaistva lagerya NKVD № 220 v period s 11 po 22 dekabrya 1945 g.’ ot 7 yanvary 1946 g.” [Order No. 02 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration ‘On the results of inspection of the 3rd Subcamp of the NKVD Camp No. 211 and subsidiary farm of the NKVD Camp No. 220 in the period from December 11 to December 22, 1945’ as of January 7, 1946]. F. 3. d. 74, ll. 2–4. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

were transferred to the Regional Directorate of Correctional Labour Camps and Colonies, the contingent was transferred to other subcamps.¹⁶

In July 1945, the NKVD of Arkhangelsk Oblast approved a plan of additional measures for the accommodation of prisoners of war. In particular, it was planned to deploy five new subcamps as part of Camp No. 211, namely Subcamp No. 5 at the Barrel Factory (the settlement of Timber Mill No. 14 of the Maimaksansky District of Arkhangelsk) for 500 people; Subcamp No. 6 at the timber exchange of the Timber Mill named after V. Molotov (the Solombala District of Arkhangelsk) for 750 people; Subcamp No. 7 at the Timber Exchange No. 2 (Brevenchaty Ostrov of the Maimaksansky District of Arkhangelsk) for 750 people; Subcamp No. 8 at the Sawmill No. 5–7 (Tsiglomen Settlement of the Proletarsky District of Arkhangelsk) for 750 people; and Subcamp No. 9 at the Office for Military Construction No. 242 of the Military Construction Administration of Arkhangelsk (the Maimaksansky District of Arkhangelsk, the settlement of the 6th construction) for 500 people. As a result, the number of subcamps in Camp No. 211 was to be increased to 9, and their capacity to reach 10,350 people.¹⁷

However, those ambitious plans were not fulfilled. In September 1945, only two subcamps were prepared for opening and staffed in Camp No. 211, namely Subcamp No. 4 under the Glavmorstroi Construction Office (Arkhangelsk, Solombala, Moseev Ostrov, maximum capacity of 1,000 people) and Subcamp No. 6 at the timber exchange of the Timber Mill named after V. Molotov (Arkhangelsk, Solombala, maximum capacity of 750 people).¹⁸ Due to the fact that the contingent was not brought in, both subcamps were disbanded.

By order No. 0034 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration as of June 5, 1946, a decision was made to unite all prisoner-of-war camps in Arkhangelsk Oblast into one camp. As a result of the merger of the Molotovsk Camp No. 220 (Molotovsk, now Severodvinsk) and the Solombala Camp No. 211, the latter also

¹⁶ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 11. RGVA.

¹⁷ “Sluzhebnoe pis'mo nachal'nika UNKVD Arkhangel'skoi oblasti Demina i zamestitelya nachal'nika otdela po delam voennoplennykh i internirovannykh Zimina na imya nachal'nika GUPVI NKVD SSSR Krivenko № 13/636 ot 5 iyulya 1945 g.” [The official letter No. 13/636 of the head of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration Demin and the deputy head of the Department for Affairs of Prisoners of War and Internees Zimin addressed to the head of the GUPVI of the NKVD of the USSR Krivenko as of July 5, 1945]. F. 8/p, op. 5, d. 5, ll. 67–68. RGVA.

¹⁸ “Materialy po organizatsii lagerei dlya voennoplennykh na territorii Arkhangel'skoi oblasti. 09.09.44–24.11.45” [Materials on the organization of POW camps in Arkhangelsk Oblast. September 9, 1944 – November 11, 1945]. F. 8/p, op. 5, d. 5, l. 80. RGVA.

integrated two subcamps located in Molotovsk (for 1,200 people) and in Raz'ezd Lomovoe halt (for 400 people).¹⁹

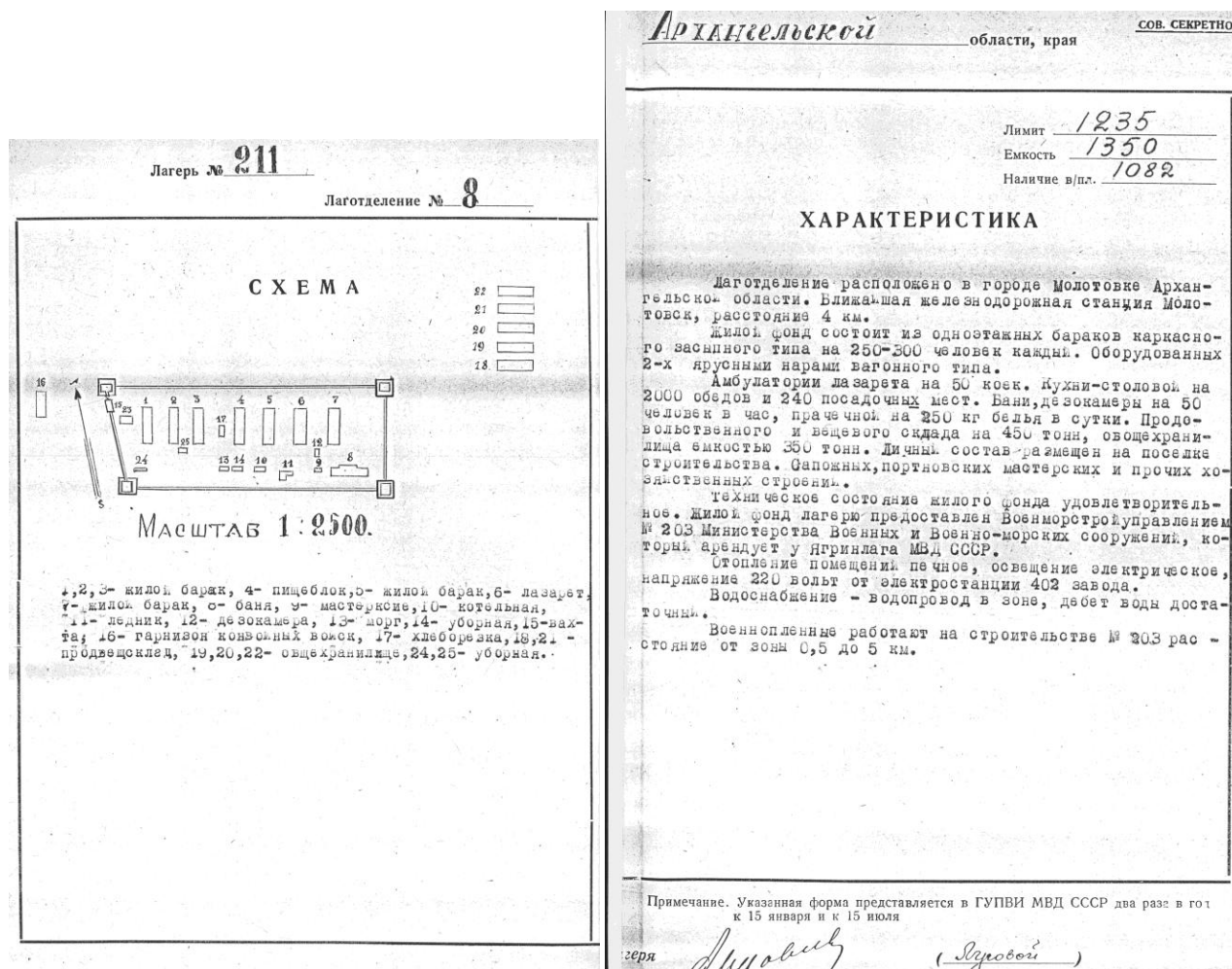

Fig. 3. Layout and characteristics of Subcamp No. 8 of the Solombala Camp No. 211 (the city of Molotovsk)

Source: Russian State Military Archive

Being secure facilities, prisoner-of-war camps were subject to enhanced protection. The protection of Camp No. 211 was provided by the personnel of the garrison of the 2nd battalion of the 250th regiment of the NKVD-MVD Escort Troops. Subcamp No. 1 was guarded by three outposts in the daytime and by four at

¹⁹ "Приказ УМВД по Архангельской области № 0034 'О ликвидации Управления лагеря МВД № 220 и передаче его лаготделений № 1 и 2 в состав лагеря МВД № 211' от 5 июня 1946 г." [Order No. 0034 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration "On the liquidation of the MVD Camp No. 220 Administration and transfer of its subcamps No. 1 and No. 2 to the MVD Camp No. 211" as of June 5, 1946]. F. 3, d. 75, ll. 109-113. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

night. Subcamps No. 2 and No. 3 were guarded by two and three outposts respectively.²⁰

The subcamps' territory was fenced a checkpoint at the entrance gates where a day squad was on duty. The subcamps territory was fenced with boards and barbed wire two and a half meters high. On the outer and inner sides of the fence there were prohibited zones separated with a small barbed wire fence. The military outposts were located along the perimeter of the zones and were equipped with observation towers which ensured visual and sound communication of the sentries. Telephone communication between the sentries and the garrison of escort troops was carried out with the help of switchboards. Sound alarms and electric lighting were installed in the camp territory.

After the end of the war, the practice of prisoners moving and working unescorted became widespread. In 1947, 720 persons were released from escort in Camp No. 211. Persons who occupied leading production positions, as well as company and platoon commanders and anti-fascist activists were subject to release from escort in the first place. It is typical that no escapes were recorded among those who were released from escort.²¹

In 1945, additional teams of prisoners of war with a total number of 135 people were formed in the camp. They guarded the contingent at work sites under the leadership of escort troops, and in the camp under the supervision of a duty officer. The personnel of the teams wore a distinctive sign; it was a white bandage with black letters KS which designated Self-Guard Team (*Komanda samookhrany*). The selection of persons for these units was carried out by a special commission consisting of the head of a subcamp and his deputies for political and operational work.

Since 1946, the department for the regime and protection of the camp invited guards from administrative bodies (for example, from the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill, the Arkhangelsk Shipyard, et al.), 20 people, to guard prisoners at their sites of work. There was a system of guarding and surveillance at the enterprises that used prisoner-of-war labour. For example, in order to prevent the prisoners from moving freely across the territory of the mill, the director of the Arkhangelsk Kraft Pulp Mill ordered workers and employees the following:

To monitor the behaviour of prisoners of war in the workplace, and to capture and send to the camp those who were noticed committing thefts and other misconduct.²²

²⁰ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 14. RGVA.

²¹ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 15. RGVA.

²² "Prikaz po Upravleniyu Arkhangel'skogo bumazhnogo kombinata imeni K.E. Voroshilova № 350 ot 5 avgusta 1947 g." [Order No. 350 of the Administration of Arkhangelsk Paper Mill

In addition, a system of permits was introduced, on the basis of which former enemy soldiers received the right to enter the territory of the production zone.²³

Assistance brigades (BS, *Brigady Sodeistviya*) were formed from the locals to search for escaped prisoners in settlements adjacent to the camp, at the docks, river crossings and railway stations. In total, 39 such brigades were organized in Camp No. 211 with a total number of 228 members. They were periodically trained and instructed. As practice showed, the organization of assistance brigades paid off. With their help, several escapes of prisoners of war were suppressed. For example, in the fall of 1946, a prisoner who had been on the run for four days was detained by Polyakov, an assistance brigade member, at the 1059th junction of the Northern Railway. For that, Polyakov received remuneration in the amount of 200 roubles. In another instance, a prisoner who had been on the run for three days was detained by a woman by the name of Kirillova in Arkhangelsk. In general, during the period of the existence of Camp No. 211, nine escapes were made: five in 1946, three in 1947, and one in 1948. All escaped fugitives were caught by the camp personnel and members of assistance brigades.²⁴

All prisoners of war were provided with food according to differentiated nutrition standards established by orders and directives of the NKVD-MVD. The size and composition of nutrition depended on labour productivity, the state of health of a prisoner of war, his military rank, and membership in an anti-fascist activist group. The facts of non-compliance with the established norms of communal feeding were quite common. So, the daily calorie intake in camp No. 211 in January 1945 amounted to 1,910 kilocalories instead of 2,079 kcal; the sick received 2,301 kcal instead of 2,599 kcal; and people with dystrophy received 3,138 kcal instead of 3,465 kcal.²⁵ The selection range of food products was monotonous. The problem was also aggravated by the late delivery of food supplied during the periods of snow drifts and autumn slush, and also by food theft common among the camp staff.

named after K.E. Voroshilov as of August 5, 1947]. F. 3543, op. 1, d. 145. l. 48. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia.

²³ "Prikaz po Upravleniyu Arkhangel'skogo bumazhnogo kombinata imeni K.E. Voroshilova № 133 ot 19 aprelya 1947 g." [Order No. 133 of the Administration of Arkhangelsk Paper Mill named after K.E. Voroshilov as of April 19, 1947]. F. 3543, op. 1, d. 144. l. 188. GAAO.

²⁴ "Istoriya lagerya voennoplennykh No. 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 16. RGVA.

²⁵ "Lichnoe delo lagerya № 211. Avgust 1944 – aprel' 1945 gg." [Personal file of Camp No. 211. August 1944 – April 1945]. F. 1/p, op. 9v, d. 78, l. 29. RGVA.

Fig. 4. In the POW kitchen of the First Subcamp of Camp No. 211 (Arkhangelsk).
Source: Russian State Military Archive

According to the memories of local residents, in order to improve their nutrition, prisoners of war collected goosefoot and nettle.²⁶ Considerable help to the camp in providing prisoners of war with food was also given by the enterprises that used their labour. For example, in the canteen of the Solombala Kraft Pulp Mill, using special coupons, prisoners of war received 500 servings of two dishes per day, namely soup and cooked cereal.²⁷ At the same time, the employees of the enterprise received insufficient nutrition that included rotten turnips, potatoes and sunflower oil diluted with water.²⁸

The camp leadership made great efforts to organize the provision of clothing for prisoners of war. However, it was no less difficult than organizing the provision of food. Enemy soldiers arriving at the camp were literally wearing rags and some of them had no shoes. The camp was supplied with clothing and property by the District Military Supply Department of the North Pechora MVD District; some clothing was provided to the camp by administrative bodies. Due to lack of property, austerity

²⁶ V.I. Korotaev, ed., *Sul'phate. History of Everyday Life. The 1930s – the 1960s* [in Russian] (Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2010), 40.

²⁷ “Prikaz direktora Solombal'skogo sul'fat-tsellyuloznogo zavoda № 83 ot 15 avgusta 1945 g.” [Order No. 83 of the director of the Solombala Kraft Pulp Mill as of August 15, 1945]. F. 2246, op. 1, d. 133, l. 136. GAAO.

²⁸ “Prikazy po Solombal'skomu TsBK Glavnogo upravleniya tsellyuloznoi promyshlennosti” [Orders on the Solombala Paper Mill of the General Directorate of Pulp and Paper Industry]. F. 2246, op. 1, d. 133, l. 67. GAAO.

regime was introduced. Clothes were worn into holes and were thrown away only if it was completely impossible to repair them. A significant part of clothing allowance was restored from rags, for which a special workshop was organized.²⁹

Fig. 5. Administrative company of the First Subcamp of Camp No. 211.

Source: Russian State Military Archive

The NKVD Directive No. 183c as of June 12, 1944 ordered to provide every prisoner of war with a warm hat, overcoat, boots, warm footcloths and gloves for the winter.³⁰ The state made considerable efforts to allocate even the smallest funds of clothing allowances for the needs of local prisoners, because the population itself often did not have warm clothes and shoes, which were highly scarce goods.³¹

Unfortunately, among the decent employees of the camp there were also individuals who did not disdain robbing prisoners of war, misappropriating their belongings, products, and valuables. So, by order No. 494 of the NKVD of the USSR

²⁹ I.V. Bezborodova, *The Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)* [in Russian] (PhD diss. Institute for History and Archives), 144.

³⁰ “Direktiva zamestitelya narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR V.V. Chernyshova № 183s o podgotovke lagerei voennoplennykh k zimnemu periodu ot 12 iyunya 1944 g.” [Directive No. 183s of the Deputy People’s Commissar of Internal Affairs of the USSR V.V. Chernyshov on the preparation of POW camps for the winter period as of June 12, 1944]. F. 6, op. 1, d. 461, l. 186 ob. Arkhiv Upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti [Archive of the Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Vologda Oblast] (Arkhiv UMVD Rossii po VO), Vologda, Russia.

³¹ V.A. Pron’ko, ed., *The Great Patriotic War, 1941–1945: Military and Historical Essays*, bk. 4, *The People and War* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1999), 101.

as of December 22, 1945, for the theft of material assets, food and abuse of authority, Captain Kamkin, Deputy Head of the camp for supply, was removed from his position in the NKVD.³² Order No. 45 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration as of August 9, 1946 “On the results of the documentary audit of the POW Camp No. 211” noted:

Shortages and embezzlement are already part of the system and are widespread in almost all subcamps; there is not enough effort being made by the leadership of the camp to struggle against them.³³

A consequence of the lack of control over the expenditure of material assets in the food supply department was a shortage of 55,598 roubles and in the clothing supply department, a shortage of 48,364 roubles.³⁴ As a result of the investigation, the perpetrators were brought to administrative and judicial responsibility.

One of the most important areas of work with prisoners of war was their health care. At first, due to the massive influx of patients, it was not possible to properly organize the work of dispensaries and infirmaries. Among the contingent of the camp, there was an increase in the number of patients with scurvy and different infections. In January 1945 alone, 86 typhoid patients were identified in the camp, which amounted to 3.2% of the total contingent.³⁵ In this difficult period, thanks to their selfless work, the team of medical workers victoriously managed to change the most difficult situation with morbidity and mortality and to save the lives of many prisoners of war. The heroism of the camp physicians can be well illustrated by the fact that while fighting the typhus epidemic, the head of the sanitary department Timkina and doctor Botvin fell ill and died.

On December 9, 1944 and March 24, 1945, the NKVD of Arkhangelsk Oblast issued orders No. 00121 and No. 014 “On measures taken to reduce morbidity and mortality of prisoners of war in the POW Camp No. 211”, according to which the camp leadership was to stop sending weakened prisoners of war to work, to strengthen the staffing of health-improving teams, to maximize the number of beds in hospitals, to secure for them the necessary number of nurses from among the prisoners of war. The head of the camp, Lieutenant Colonel of State Security N. Dubovoi was fired, and Senior Lieutenant of State Security Lugovoi, who

³² “Prikaz NKVD SSSR №. 494 ot 22 dekabrya 1945 g.” [Order No. 494 of the NKVD of the USSR as of December 22, 1945]. F. 6, op. 1, d. 468, l. 229. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³³ “Prikaz nachal'nika Upravleniya MVD po Arkhangel'skoi oblasti № 45 “Po rezul'tatam dokumental'noi revizii lagerya voennoplennykh № 211’ ot 9 avgusta 1946 g.” [Order No. 45 of the head of the MVD Administration for Arkhangelsk Oblast ‘On the results of the documentary audit of the POW Camp No. 211’ as of August 9, 1946]. F. 3, d. 72. l. 106. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³⁴ Ibid, ll. 106–108.

³⁵ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 81. RGVA.

previously held the position of Deputy Head of the Directorate of Forced Labour Camps and Colonies of Arkhangelsk Oblast, was appointed instead of him.³⁶

At the same time, efforts were made to prevent the spread among prisoners of war of epidemic diseases circulating among the local population. On August 9, 1946, the head of the sanitary department of the camp administration, Major of the Medical Service Vertyagin, wrote to the head of the anti-epidemic department of the Arkhangelsk Oblast Health Department:

Over the last ten days of July, the number of cases of dysentery and typhoid fever has increased at the Arkhangelsk Paper Mill, and these infections are already beginning to be transmitted to prisoners of war of Subcamp No. 2 of Camp No. 211. We are taking all measures to prevent and stop an epidemic of acute gastrointestinal infections, but the on-going work should be coordinated with the local health department, since prisoners of war have contacts with the civilian population at the sites of their work.³⁷

To reduce the incidence of typhoid fever and dysentery, a bacteriologist was sent to Subcamp No. 2 of Camp No. 211.³⁸

In the post-war years, tuberculosis became a usual companion of camp life. Thus, in the Circular No. 349 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR as of June 19, 1948, it was noted that a large number of patients with tuberculosis was found in Camp No. 211. The situation was even worse due to the fact that those who caught this dangerous disease were detected late and did not receive treatment belatedly. The Ministry of Internal Affairs required that camp physicians keep a thorough record of tuberculosis patients, use tuberculosis specialists from civilian hospitals for their treatment, and provide care and nutrition at an increased rate.³⁹

³⁶ “Prikaz Upravleniya NKVD po Arkhangel'skoi oblasti № 00121 ‘O meropriyatiyakh po sokrashcheniyu zaboлеваemosti i smertnosti voennoplennykh v lagere № 211’ ot 9 dekabrya 1944 g.” [Order No. 00121 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration ‘On measures taken to reduce morbidity and mortality of prisoners of war in the POW Camp No. 211’ as of December 9, 1944]. F. 3, d. 59, ll. 222–224. Arkhiv UMVD Rossii po AO; “Prikaz Upravleniya NKVD po Arkhangel'skoi oblasti № 014 ‘O rezul'tatakh proverki sanitarno-bytovykh uslovii sodержaniya voennoplennykh v lagere № 211’ ot 24 marta 1945 g.” [Order No. 014 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration ‘On the results of the inspection of sanitary conditions of prisoners of war in the POW Camp No. 211’ as of March 24, 1945]. F. 3, d. 61, l. 32. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

³⁷ “Svodki, kon'yunktturnye otchety po mediko-sanitarnoi rabote Otdela zdravookhraneniya Arkhangel'skogo oblispolkoma za 1946 g.” [Summaries of operations and economic reports on the health care work of the Department of Health of the Arkhangelsk Oblast Executive Committee for 1946]. F. 1932, op. 3, d. 258, l. 249. GAAO.

³⁸ Ibid, ll. 250–251.

³⁹ “Tsirkulyar MVD SSSR No. 349 ot 19 iyunya 1948 g.” [Circular No. 349 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR as of June 19, 1948]. F. 6, op. 1, d. 523, ll. 129–129 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

The overall decrease in the incidence of the camp contingent in 1945–48 made it possible to reduce the number of beds from 1,600 to 80, i.e. 20 times.⁴⁰ In general, doctors and nurses of the camp achieved high rates in the treatment of prisoners of war. Of the total number of patients in the camp hospital, 46 % were cured, 49 % were discharged due to improvement, 0.8 % were registered as disabled persons, and 4.2 % died.⁴¹ Thus, the camp doctors managed to preserve the life and health of 95 % of the prisoners of war they treated. Many medical workers of the camp were awarded and rewarded for positive results in improving the health of the camp contingent. Thus, by order No. 289 of the head of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration as of April 23, 1945, commendations were awarded to the Camp No. 211 doctors Anokhina, Kublanova and Antonov.⁴²

To a large extent, the effectiveness of the camp's medical service can also be evaluated by the death rate of prisoners of war. According to estimates, out of 7,654 prisoners of war in the camp, 1,045 people died, i.e. 13.6 %.⁴³ For comparison, according to official statistics of the civil registry offices of Arkhangelsk for 1941–44, 38 thousand people died of starvation and disease, which amounted to 13.6 % of its pre-war population (280 thousand people).⁴⁴ Therefore, during the war, prisoners of war were in almost the same situation as the citizens of Arkhangelsk. Both the

⁴⁰ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 106. RGVA.

⁴¹ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 84. RGVA.

⁴² Ibid, l. 82.

⁴³ Calculated according to “Akt proverki sostoyaniya ucheta voennoplennykh i internirovannykh, sodержavshikhsya v lageryakh № 211 i 220 MVD SSSR i rabochem batal'one № 1096 MVD SSSR ot 10 iyunya 1946 g.” [Inspection report on the condition of records of prisoners of war and internees held in camps No. 211 and No. 220 of the MVD of the USSR and the working battalion No. 1096 of the MVD of the USSR as of June 10, 1946]. F. 50, d. 93a, l. 55. Arkhiv UMVD Rossii po AO; “Dislokatsiya zakhronenii umershikh voennoplennykh i internirovannykh byvshikh lagerei № 211, 220 i 224, rabocheho batal'ona № 1096, spetsgospitalya № 2515, raspolozhennykh na territorii Arkhangel'skoi oblasti ot 6 aprelya 1957 g.” [Location of burial sites of the deceased prisoners of war and internees from the former camps No. 211, No. 220 and No. 224, working battalion No. 1096, and special hospital No. 2515, located in the territory of Arkhangelsk Oblast as of April 6, 1957]. F. 50, d. 24, t. 2, l. 3. Arkhiv UMVD Rossii po AO; “Kladbishche voennoplennykh 2-go lagotdeleniya lagerya № 211” [POW cemetery of the 2nd subcamp of Camp No. 211]. F. 50. “Delo s materialami proverki kladbishch lagerei voennoplennykh, dislotsirovavshikhsya na territorii Arkhangel'-skoi oblasti. 28 maya 1949 g. – 4 iyulya 1949 g.” [File with the materials on inspection POW cemeteries in camps located in Arkhangelsk Oblast. May 28, 1949 – July 4, 1949]. L. 81. Arkhiv UMVD Rossii po AO; “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, ll. 5–6. RGVA.

⁴⁴ E.V. Khatanzeiskaya, *Strategies for Survival of the Population in Everyday Life of the Soviet city, 1929–1945 (Based on the Arkhangelsk Materials)* [in Russian] (PhD thesis. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2019), 14, 18.

former and the latter had to endure hardships because of hunger, disease and exhausting labour. This fact clearly shows that prisoners of war did not face the policies of genocide and massive destruction, as it usually happened in Nazi Germany.

Fig. 6. Cemetery of Subcamp No. 2 of Camp No. 211 (the Isakogorsky District of Arkhangelsk).

The photo was taken in the 1960s.

Source: Archive of the Administration of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation for Arkhangelsk Oblast

Fig. 7. Monument to the deceased Hungarian prisoners of war (Povrakuly Village, Primorsky Raion, Arkhangelsk Oblast).
Source: from the personal archive of A. Kuz'minykh (photo of 2011)

Prisoners of war that arrived in Arkhangelsk immediately attracted the attention of local industrial enterprises and organizations that needed “labour force”. Due to the fact that all groups of prisoners that arrived at the camp were extremely weakened, the employment to production sites in 1944 was extremely low. In October 1944, out of 4,187 prisoners, only 865 people were sent work, i.e. 20 %.⁴⁵ Former enemy soldiers did not have the necessary labour skills and worked with low dedication. The camp records documented a number of instances when prisoners tried to sabotage the work. Thus, on December 17, 1944, paramedic Russo, a Pole by nationality, addressed other prisoners of war in the camp canteen, saying the following:

Hungarian commanders want to curry favor with the Russian commanders and send everyone to work in cold weather, so people die there. Your clothes are bad, do not go to work, and if the commanders send you, beat them.⁴⁶

⁴⁵ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, ll. 17–18. RGVA.

⁴⁶ Cited in “Lichnoe delo lagerya No. 211” [Personal file of Camp No. 211]. F. 1/p, op. 9v, d. 78, l. 36. RGVA.

In turn, representatives of administrative bodies neglected prisoners of war, did not observe the norms while organizing their work and executed work orders negligently. For example, in the regeneration workshop of the Solombala Kraft Pulp Mill, where 40 prisoners of war worked, the calculations of payment for the work of prisoners of war were made with an understatement of 35 %. As a result, the prisoners fulfilled production norms by 60–65 %.⁴⁷ It is quite natural that at the beginning of 1945 the camp was listed as unprofitable. Gross output relative to actual consumption as a percentage was 19.2 % in March 1945, and 21.4 % in April.⁴⁸ In fact, the camp existed due to the funding from the state budget.

As a result of measures taken for physical rehabilitation of the contingent, organization of technical training and redistribution of prisoners of war to the sites of their work in 1945, a turning point in the production activities of the camp was determined, which is clearly reflected in Table. 1.

Table 1

Production activities of the Solombala Camp No. 211 in 1945⁴⁹

Indicators	Q1 1945	Q2 1945	Q3 1945	Q4 1945
Average number	3 626	4 358	4 457	3 183
Manpower	-	1 864	3 529	2 913
(% to average number)	-	42,8	78,8	91,5
Engaged in production work	479	1 312	2 701	2 226
(% to average number)	13,2	30,1	60,3	70,0

The data in Table 1 show that in 1945 manpower reserves increased 2.1 times, and employment in production increased 5.3 times in percentage terms.

In 1945, prisoners of war at the Solombala Kraft Pulp Mill accounted for half of the production personnel (49.9 %).⁵⁰ The gross output of the camp in 1945 reached

⁴⁷ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 19. RGVA.

⁴⁸ In Solombala Camp No. 211, the percentage of profitability in March 1945 was 23.7 %; in April, 25.3 %. See “Prikaz NKVD SSSR № 0160 ob itogakh trudovogo ispol'zovaniya voennoplennykh v lageryakh NKVD za 1-i kvartal i april' 1945 g. ot 15 iyunya 1945 g.” [Order No. 0160 of the NKVD of the USSR on the results of the labour use of prisoners of war in the camps of the NKVD for the 1st quarter and April 1945, as of June 15, 1945]. F. 6, op. 1, d. 467, ll. 213–215. Arkhiv UMVD Rossii po VO; M.M. Zagorul'ko, ed., *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: Logos, 2000), 612–13.

⁴⁹ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 21. RGVA.

⁵⁰ Calculated according to “Otchet o rabote partbyuro Solombal'skogo sul'fat-tsellyuloznogo zavoda za april'-avgust 1945 g.” [Report on the work of the party bureau of the Solombala Kraft Pulp Mill for April–August 1945]. F. 2018, op. 1, d. 22, l. 84. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoi oblasti [Department of Documents

7,014,988 roubles (104 % of the plan), and average labour productivity rose to 107.4 % and approached the performance rate of skilled workers. Thanks to prisoners of war, in February 1945, the Solombala Kraft Pulp Mill fulfilled the plan for the production of pulp by 195%; for paper, by 151 %; for total production, by 193 %. Due to the fact that all the wood that was on the timber exchange was processed, the prisoners had to be partially transferred to Sawmill No. 16–17.⁵¹

The knowledge and experience of prisoners of war turned out to be very useful for the administration of the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill. In August 1946, several wagons arrived there with imported equipment received by the USSR in the course of reparation payments. Prisoners of war with the appropriate qualifications were used for installation, assembly and launch of the equipment and instruments, and for the translation of technical documentation. Among the Russian names of paper-making machines, names in foreign-language appeared: crushers ‘Black’, tapes ‘Ferrado’, drums ‘Velená’ and ‘Hillbohm’.⁵² Unfortunately, the bulk of the equipment was soon discarded as a result of neglect, storage in the open air and the ensuing corrosion.⁵³

Despite the adverse factors of the post-war years, the camp managed to maintain high production indicators. As of November 1, 1947, manpower in the camp amounted to 89 % of its composition, paid employment of prisoners of war made 75 %; camp staff, 5 %; average labour productivity, 143 %; actual self-sufficiency of the camp, 111 %. For the 3rd quarter of 1947 alone, the camp’s income amounted to 623 thousand roubles. Head of the financial department of the camp T. Lisitsyn,

of Socio-Political History of the State Archive of Arkhangelsk Oblast] (ODSPI GAAO), Arkhangelsk, Russia; “Protokoly partiinykh sobranii Solombal'skogo sul'fat-tsellyuloznogo zavoda za 1946 g.” [Minutes of party meetings of the Solombala Kraft Pulp Mill for 1946]. F. 2018, op. 1, d. 27, l. 43. ODSPI GAAO.

⁵¹ “Prikaz № 24 po Solombal'skomu sul'fat-tsellyuloznomu zavodu ot 5 marta 1945 g.” [Order No. 24 for the Solombala Kraft Pulp Mill, as of March 5, 1945]. F. 2246, op. 1, d. 133, l. 40. GAAO.

⁵² “Prikaz po Upravleniyu Arkhbumkombinata imeni K.E. Voroshilova № 168 ‘O sokhranenií importnogo oborudovaniya, pribyvayushchego iz Finlyandii’ ot 5 avgusta 1946 g.” [Order No. 168 of the Administration of the Arkhangelsk Paper Mill named after K.E. Voroshilov ‘On the preservation of the equipment imported from Finland’ as of August 5, 1946]. F. 3543, op. 1, d. 111, l. 289. GAAO; “Prikaz po Upravleniyu Arkhbumkombinata imeni K.E. Voroshilova ‘Ob organizatsii priemki i khraneniya postupayushchego oborudovaniya i ukrepleniya inzhenerno-tekhnicheskimi rabotnikami otdela komplektovaniya oborudovaniya’ ot 8 avgusta 1946 g.” [Order of the Administration of the Arkhangelsk Paper Mill named after K.E. Voroshilov ‘On the organization of acceptance and storage of incoming equipment and on strengthening the equipment acquisition department with engineers and technical staff’ as of August 8, 1946]. F. 3543, op. 1, d. 111, l. 285. GAAO.

⁵³ “Prikazy po Upravleniyu Arkhangel'skogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata za 1948 g. 6 yanvarya 1948 g. – 27 iyulya 1948 g.” [Orders of the Administration of the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill for 1948. January 6, 1948 – July 27, 1948]. F. 3543, op. 1, d. 175, ll. 411–413. GAAO.

labour inspector K. Vydro and rate-setter P. Sidorov were awarded for the successful implementation of the production and financial plan.⁵⁴ In 1945–47, the Administration of Camp No. 211 received 26,210 roubles as a bonus from the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill and the Solombala Kraft Pulp Mill.⁵⁵

To increase labour productivity among prisoners of war, a labour competition was held. The first attempts to organize it in early 1945 ended in failure. However, over time, it was possible to conclude contracts with labour obligations not only between working teams, but also between subcamps. As a result, by the end of 1947, there were almost no working teams that did not comply with production standards, while in 1945 it was the case only for half of them. The teams of Top, Fisher, Mihai, Gebelein, Marchin, Dotman completed their labour tasks with indicators from 242 % to 364 % of the norm. The total number of prisoners of war fulfilling the norms by more than 150 % reached 380 people.⁵⁶

In July 1945, the Solombala Kraft Pulp Mill instructed three prisoner-of-war engineers to independently manage individual production sites. Thus, Hecher was in charge of the construction of a drying shop; Griffenstein, of the construction of a bath-and-laundry plant; Schinder, of the work of prisoners of war in the electrical department. Former head of the personnel department of the Solombala Kraft Pulp Mill A. Gorina recalled the use of prisoners of war in wartime:

There were the smartest people among them. The director immediately took one of them, by the name of Alexander, to the design bureau. Before that, our heat and power system worked only on wood fuel, and Alexander adapted it to using coal.⁵⁷

The order issued by the Kraft Pulp Mill on March 27, 1947 notes that engineer A. Horvath constructed mechanical scales for weighing coal, which prevented “the squandering of socialist property”. Under the leadership of the plant’s chief engineer,

⁵⁴ “Prikaz Upravleniya MVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0158 ‘O premirovanii lichnogo sostava lagerya № 211 po itogam proizvodstvenno-khozyaistvennoi deyatel'nosti lagerya za 9-i kvartal 1947 g.’ ot 6 noyabrya 1947 g.” [Order No. 0158 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration ‘On bonus payments to the personnel of Camp No. 211 based on the results of the industrial and economic activities of the camp for the 9th quarter of 1947’ as of November 6, 1947]. F. 3, d. 83, ll. 325–326. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

⁵⁵ Calculated according to F. 2246, op. 1, d. 133, l. 134; d. 144, l. 234; f. 3543, op. 1, d. 87, ll. 28, 35, 58, 64; d. 111, ll. 90, 158; d. 110, ll. 68, 89, 98, 127, 137, 184, 192; d. 143, ll. 101, 112, 162, 177; d. 144, l. 251; d. 175, ll. 276, 344–357, 485, 596. GAAO.

⁵⁶ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, ll. 28–29. RGVA.

⁵⁷ Cited in Korotaev, *Sul'phate. History of Everyday Life*, 31.

he commissioned a pulp packing machine, which allowed him to reduce five jobs. For that A. Horvath was paid a one-time remuneration in the amount of 400 rubles.⁵⁸

With its significant labour resources, Camp No. 211 provided substantial assistance to local enterprises in fulfilling production plans. Thus, in 1945–47, the contingent of the camp fully serviced the work of the timber exchange, fuel and transport departments of the Solombala Kraft Pulp Mill and the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill. Former enemy soldiers performed all types of work, from receiving and sawing wood to loading finished products. Up to 550 thousand festmeters (equals 1 cubic meter of solid wood pulp. – *Ed.*) of wood were received and processed annually by them, and the average annual volume of loading and unloading operations exceeded 500 thousand tons. Prisoners of war serviced two lime kilns, which burned 9,050 tons of limestone annually, manufactured tools and spare parts in mechanical workshops, and rewound electric motors. In 1945–47, it was with the help of Camp No. 211 contingent that the Solombala Kraft Pulp Mill successfully coped with the implementation of its production plan and was among the leading enterprises of the country, holding the banner of the Central Committee of the Paper Manufactures Union from year to year.

Fig. 8. Solombala Pulp and Paper Mill. In 1944–48, prisoners of war of Subcamp No. 1 of Camp No. 211 worked there. Source: from the personal archive of A. Kuz'minykh (photo of 2011)

Some of the prisoners of war were engaged in construction and assembly works. Thus, they built 7 warehouses, 2 wharfs, several pavements for automobile traffic with a total length of 7 km, 2 factory clubs, a sports ground, a department store, and

⁵⁸ “Prikaz № 43a po Solombal'skomu sul'fat-tsellyuloznomu zavodu ot 27 marta 1945 g.” [Order No. 43a for the Solombala Kraft Pulp Mill, as of March 27, 1947]. F. 2246, op. 1, d. 159, l. 76. GAAO.

an apartment building; 50 residential buildings were repaired, etc.⁵⁹ According to the recollections of A.I. Butakov, prisoners of war landscaped the territory along Kirovskaya Ulitsa with lawns, flower beds and plaster sculptures.⁶⁰

The former soldiers of the enemy armies also contributed to the construction of the Northern Fleet. By order No. 13/1310 of the Arkhangelsk Oblast NKVD Administration as of July 5, 1945, Camp No. 211 organized a secondment of 80 prisoners of war to the Arkhangelsk Shipyard of the Chief Directorate of the Northern Sea Route. They launched 6 motor boats, a barge with a displacement of 50 tons, and about a dozen small river vessels. In addition to the main work done by prisoners of war, various secondary works were performed to the amount of 230 thousand roubles.⁶¹

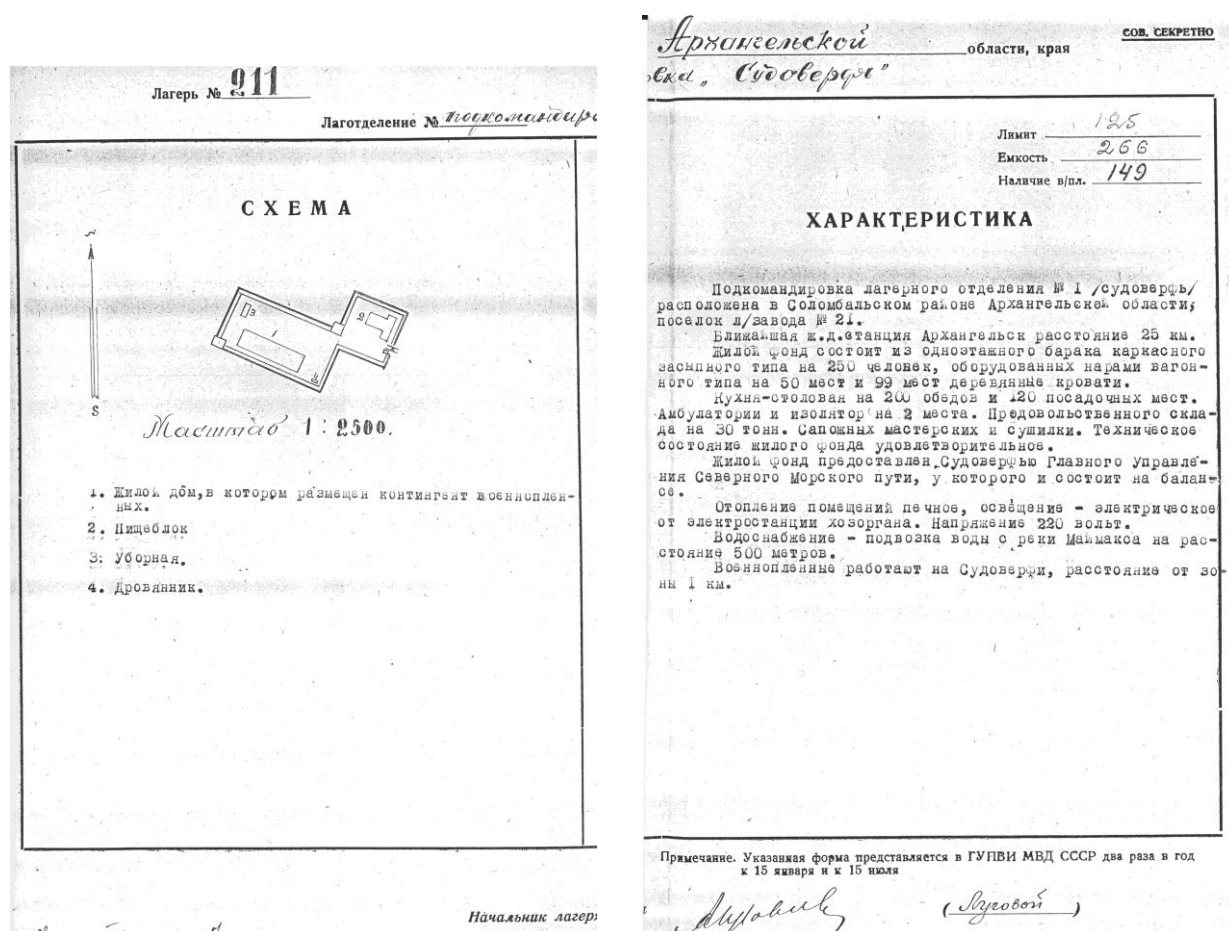

Fig. 9. Layout and characteristics of "Sudoverf" secondment at the Arkhangelsk Shipyard of Camp No. 211 (Solombala Raion, Arkhangelsk Oblast)

Source: Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv

⁵⁹ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, ll. 25–26. RGVA.

⁶⁰ Cited in Korotaev, *Sulphate. History of Everyday Life*, 53.

⁶¹ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 27. RGVA.

In general, for the entire period of its existence, the estimated gross output of the camp amounted to 40,294,304 roubles, and the cost of maintaining the camp was 34,587,868 roubles, i.e. total income from camp activities exceeded 5.7 million roubles.⁶²

In all fairness, it should be noted that the labour achievements of Camp No. 211 had a downside. Excessive intensification of labour led to the loss of health, and sometimes death of prisoners of war. Thus, in a special message as of September 7, 1945, Lieutenant Colonel Bykov, Deputy Head of the oblast NKVD administration, and Major Varfolomeyev, Head of the of the oblast NKVD Department for Affairs of Prisoners of War and Internees, reported an accident to Major General Ratushnyi, Deputy Head of the GUPVI of the NKVD of the USSR. On August 16, 1945, five prisoners of war were hit by a cart loaded with timber at the timber exchange of the Arkhangelsk Paper Mill. Franz Progar, a citizen of Yugoslavia born in 1921, died from craniocerebral injury. Marko Šnidarlič, also a citizen of Yugoslavia born in 1924, got a severe concussion. It was noted that such accidents at the mill had also taken place earlier. The materials on this case were sent to the prosecutor of the Isakogorsky District of Arkhangelsk to investigate and bring the perpetrators to justice.⁶³ However, even after this incident, serious violations of work safety continued. In 1947 alone, there were 123 cases of work-related injuries at the Arkhangelsk Kraft Pulp Mill, 4 of which were fatal.⁶⁴

Labour of prisoners of war was considered not only as a means of restoring the USSR national economy destroyed by the war, but also as a means of re-education and ideological “re-forging” of former enemy soldiers and officers. At the meeting of the employees of the Solombala Kraft Pulp Mill, referring to the question of attitude towards prisoners of war, Head of Camp No. 211 Dubovoi noted:

⁶² A.L. Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2017), 228.

⁶³ “Spetssoobshcheniya o neschastnykh sluchayakh ubiistva voennoplennykh na stroitel'stve № 203 i lagere № 220. Direktivnye ukazaniya ob uluchshenii bytovykh uslovii voennoplennykh na Limenskom lesokombinate. Plany izucheniya ‘Polozheniya o trud. ispol'zovanii voennoplennykh’ v lagere № 211 UMVD Arkhangel'skoi oblasti. 27.03.45–25.12.45” [Special reports on death accidents with prisoners of war at the construction site No. 203 and in Camp No. 220. Guidelines on improving the living conditions of prisoners of war at the Limensky Timber Plant. Plans for studying ‘Provisions for labour use of prisoners of war’ in the Arkhangelsk Oblast UMVD Camp No. 211. March 27, 1945 – December 25, 1945]. F. 8/p, op. 5, d. 1, l. 21. RGVA.

⁶⁴ “Prikazy po Upravleniyu Arkhangel'skogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata za 1948 g.” [Orders of the Administration of the Arkhangelsk Kraft Pulp Mill for 1948]. F. 3543, op. 1, d. 175, d. 132. GAAO.

Comrades! We are dealing with our enemy, so be vigilant and study people. We have a difficult task. We are to educate these masses so that, upon returning to their homeland, they would be agitators for the Soviet Union.⁶⁵

Judging by archival documents, the denazification and demilitarization of the views of Poles, Czechs, Romanians, Hungarians and Yugoslavs was faster than those of Germans. Prisoners of war of these nationalities were massive supporters of the anti-fascist movement. Many of them understood the Russian language, actively assisted the command in restoring order in the camp and at work sites, fulfilled and exceeded labour norms, and participated in the organization of labour competition. It is characteristic that immediately after their arrival, 200 Poles, 175 Romanians and 109 Yugoslavs submitted a request to send them to the army in order to fight against fascism.⁶⁶

For obvious reasons, Germans turned out to be most hostile towards Soviet propaganda. They were afraid to openly make Nazi statements, but tried not to give out those who expressed them. Thus, in October 1944, the German physician Steinberg entered the wards of the sick with a Nazi salute and was exposed only when Hungarians reported him. It was possible to organize political work among the German prisoners only after the arrival of 74 German anti-fascists from Camp No. 165, where they had completed anti-fascist courses.⁶⁷

Those who worked well, were disciplined and conducted political work among other prisoners of war were considered anti-fascists. However, despite the massive “enrolment” to anti-fascists, it was still a long way from the real restructuring of the worldview and ideological beliefs of these people. Many Germans moved to anti-fascist positions under the influence of political conjuncture and their desire to improve their financial situation and accelerate their return to the homeland.

The main tasks of political work included: examination of the sentiments of prisoners of war and identification of their attitudes towards the Nazi regime; explanation of the criminal nature of the war by Nazi Germany and the just nature of the war by the USSR; exposure of Nazi ideology and the formation of communist worldview; clarification of liability for damage caused to the Soviet Union and the need for a conscientious attitude to work; formation of democratic beliefs and organization of the anti-fascist movement in the camp.

⁶⁵ Cited in “Protokol soveshchaniya partiino-khozyaistvennogo aktiva Solombal'skogo sul'fat-sellyuloznogo zavoda ot 11 noyabrya 1944 g.” [Minutes of the meeting of the party economic activists of the Solombala Kraft Pulp Mill as of November 11, 1944]. F. 2246. op. 1. d. 123, l. 36. GAAO.

⁶⁶ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, ll. 51–52. RGVA.

⁶⁷ Ibid, l. 54.

The management of anti-fascist work was initially assigned to the operative department. Thanks to operational measures, it was possible to remove the “ballast” and “pro-fascist elements” from the anti-fascist activist groups. For instance, Horst Gebler, a propagandist and former Hitler Youth battalion commander, was exposed in Subcamp No. 1.⁶⁸

Most prisoners of war perceived the surrender of Nazi Germany as the end of exasperating and unpromising war and as a chance for sooner repatriation. The main questions for them now were the future of their countries and the time of their return to their homeland. To clarify these issues, reports and lectures were held, which highlighted the decisions of the Yalta and Potsdam Conferences and the plans of the Soviet leadership.

Types of political and cultural work with the prisoners of war of Camp No. 211 are presented in Table 2.

Table 2

**Political and cultural work
among the prisoners of war of Camp No. 211 in the first half of 1945⁶⁹**

Type of work	Amount	Number of POWs involved
Political reports and political conversations	257	27 057
Meetings	103	50 603
Political information	833	70 452
Wall newspapers	18	-
Amateur performances	10	-
Film screenings	10	5 905

The experience of conducting political work showed that after hard physical labour the work with prisoners in small political groups was far more successful than delivering lectures for the whole camp. During group work, the contact between the audience and a speaker was much better, therefore, the perception and assimilation of the material improved, and there was an opportunity for conversations and disputes. Starting in the spring of 1945, special groups were organized in the camp to study political economy, Marxist theory, “Short Course of the History of the CPSU (Bolsheviks),” reports and speeches delivered by the leaders of the Soviet state. In June 1945, 160 Germans, 635 Hungarians, 242 Romanians, and 71 Austrians were members of such political groups.⁷⁰

In the post-war period, the anti-fascist movement in the camp became much stronger. At the end of 1945, the number of anti-fascist activists amounted to

⁶⁸ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 57. RGVA.

⁶⁹ Ibid, l. 58.

⁷⁰ Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago*, 312.

232 persons, including 139 Hungarians, 59 Germans, 16 Jews, 15 Austrians, and 3 Romanians.⁷¹ By that time, the Poles, Yugoslavs and most of the Romanians had been repatriated. A drawback in political work in 1945 was that the anti-fascist instructors were poorly aware of the political situation in the countries of Eastern Europe and were not fluent enough in foreign languages. Because of this, most of the work had to be delegated to POW activists. In most subcamps, anti-fascist work was left to chance.

In 1946, the main emphasis in the camp's anti-fascist work was placed on the organisation of labour competition and increasing labour productivity in order to fulfil production plans. The main task was to mobilize prisoners to fight violations of the camp regime and labour discipline. Most of the meetings dealt with production issues. Particular importance was attached to the organization of wall newspapers, which were aimed at popularizing best production workers and fighting against objectors and malingerers.

Former Wehrmacht soldiers and officers attended a series of lectures and reports on the mass atrocities of the Nazis against the Soviet civilian population, the destruction of cultural and historical monuments. Most prisoners of war claimed that they heard about the enormosity of crimes against peace and humanity and the Nazi plans to destroy the "inferior" races for the first time. Only a few of them admitted to participating in punitive actions and other war crimes. The camp political workers were of the following opinion:

Most prisoners of war did not want to reveal these terrible secrets, because too many Germans were involved in these dark things.⁷²

It is typical that the overwhelming majority of prisoners of war required the most severe punishment of Nazi criminals. The materials of the Nuremberg Trials published in the Soviet press were made known to prisoners. Next to none of them decided to openly come out with the justification of Nazi leaders or condemn the decisions of the International Military Tribunal. However, camp informants recorded the statements of some pro-fascist-minded individuals who expressed "grief" and "condolences" in the circle of their comrades. Thus, doctor Erwin Fisher said:

Everyone who sits on the dock in Nuremberg is the true heroes of the German nation and it is painful to see how they are being treated.⁷³

⁷¹ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 60. RGVA.

⁷² Ibid, l. 62.

⁷³ Ibid, l. 63.

By order No. 00933 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR as of October 19, 1946, a political department was established at the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees (GUPVI), which was entrusted with the supervision of political work among prisoners of war. In November 1946, the political department consisting of 6 people was formed in Camp No. 211. It was headed by Captain M. Durapov.⁷⁴ The organization of the political department was of principal importance for the conduct of anti-fascist work. It was now differentiated depending on the social origin and age of prisoners of war. Special groups were formed to unite prisoners on a professional basis (peasants, workers, doctors, teachers, lawyers, etc.). For example, social politics in the Soviet Occupation Zone in Germany and the situation of workers in the Western zones of occupation were discussed in workers' groups. In teachers' groups the topics under discussion related to innovations in education and to studying the Soviet family and school, etc. In April 1948, a conference of POW teachers was held in the camp and Bavykin, director of secondary school No. 80, spoke in detail about the Soviet education system.

In 1947, the final structure of the camp's political personnel was formed. The positions of anti-fascist functionaries were introduced: 5 persons were to manage the camp and 3 persons were assigned to each subcamp. Political work was supervised by the deputy head of the camp administration for political affairs and by the head of the anti-fascist department. The work was performed by the head of the anti-fascist activists, who had 3 other functionaries in subordination: deputy head of the group for work with the youth, instructor for political education groups, and organizer of cultural and mass work. The structure of political personnel in subcamps included

⁷⁴ "Prikaz Upravleniya MVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0075 'O sozdanii Politotdela pri Upravlenii lagerya № 211 MVD dlya voennoplennykh' ot 30 noyabrya 1946 g." [Order No. 0075 of the Arkhangel'sk Oblast MVD Administration "On the establishment of a political department under the Administration of the MVD POW Camp No. 211 as of November 30, 1946]. F. 3, d. 75, ll. 247–249. Arkhiv UMVD Rossii po AO. Due to the reduction of the number of prisoners of war in January 1948, the political department was liquidated, and the organization of political work was entrusted to the political personnel of the camp. By order No. 004 of the Department of the Arkhangel'sk Oblast MVD Administration as of January 9, 1948, the staff list list of political personnel at the administration of Camp No. 211 included 3 positions which were Deputy Head of the camp administration for political affairs and senior instructors for organizational and party work and for anti-fascist work. In addition, the position of Deputy Head for political affairs was introduced into the staff of Subcamp No. 2. See "Prikaz Upravleniya MVD po Arkhangel'skoi oblasti № 004 'Ob uprazhnenii Politotdela lagerya MVD № 211 dlya voennoplennykh' ot 9 yanvarya 1948 g." [Order No. 004 of the Arkhangel'sk Oblast MVD Administration 'On the liquidation of the Political Department of the MVD POW Camp No. 211' as of January 9, 1948]. F. 3, d. 85, ll. 146–147. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

3 positions: head of the anti-fascist activist group, senior propagandist, and head of amateur performances.⁷⁵

By directive of the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees as of February 28, 1947, all prisoners of war enlisted in the anti-fascist activist groups were checked, and those who were denied trust were deleted from the lists of anti-fascists. From now on, only those prisoners of war were listed as activists who conducted active political work, were foremen or command and economic functionaries and took part in the organization of labour competition. The inclusion in the list of anti-fascists was made after the candidacy was approved by the head of the camp political department.

The difficulty of political work with prisoners of war in 1947 was related to the deterioration of their physical condition due to crop failure and the famine of 1946–47. Sending sick and disabled people to their homeland negatively affected the morale of the camp contingent, including the anti-fascist activists. There was a tendency of intentionally worsening one's own physical condition, up to self-mutilation. Malingering and self-exhaustion also became widely spread. These forms of “self-harm” were harshly criticized by the anti-fascist activists. The political personnel and the camp activists launched special activities to raise the morale of prisoners of war. Lectures on the dangers of self-harm were organised for the prisoners, food control was strengthened, and public condemnations of exposed self-mutilators and malingerers were held.

Lack of awareness of the situation in their homeland predetermined wide circulation of all kinds of rumours and interpretations among prisoners of war. Some of the prisoners adhered to the pro-Western orientation and approved the decisions of the Western powers regarding the post-war system of Germany while the others supported the Soviet way of the solution of the German question. However, the majority of the prisoners had little knowledge of what the political parties in their countries represented and what their programs contained.

Political work in the camp created the illusion of participation in the political life of their home countries. Thus, the Hungarian prisoners of war of Camp No. 211 wrote in a resolution on the resignation and escape abroad of the former members of the Hungarian government:

We unanimously support the demands of the democratic parties of Hungary to return these criminals to their homeland in order to be held to account before the people. . . We, prisoners of war, express our readiness to support the new government and to strengthen

⁷⁵ “Direktiva MVD SSSR № 112 ‘O vvedenii v lageryakh i lagotdeleniyakh funktsionerov antifashistskoi raboty iz sostava antifashistskogo aktiva i poryadke ikh soderzhaniya’ ot 7 iyulya 1947 g.” [Directive No. 112 of the MVD of the USSR “On the introduction of the positions of anti-fascist functionaries in camps and subcamps from anti-fascist activists and on the order of their maintenance’ as of July 7, 1947]. F. 6, op. 1, d. 503, ll. 81–81 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

Soviet-Hungarian friendship by further increasing labour productivity, strengthening discipline, respecting the camp regime and struggling mercilessly against the activities of reactionary elements.⁷⁶

According to the standards of that time, this resolution, adopted unanimously and sealed with 1 300 signatures, ended in a standing ovation to “the leader of all advanced humanity, the Generalissimo of the Soviet Union, Great Stalin.”

With the beginning of the Cold War, political work was directed at exposing the policies of the Anglo-American bloc, the Marshall Plan, and the Truman Doctrine. The Fulton Speech delivered by Winston Churchill was regarded by many prisoners as a declaration of war against the USSR, which resulted in lots of panic rumors and attitudes.⁷⁷ Trying to turn prisoners of war into their allies in the confrontation between East and West, the political workers explained to them that the “American imperialists” were reviving fascist troops in Germany and were preparing to start a new world war for the sake of a “crazy plan of world domination.” The image of the enemy, well-practiced during the war years, was put into circulation again. At the same time, it was noted that the Soviet Union “stands at the forefront of the fighters for world peace” and “heads the ever growing camp of peace, democracy and socialism.”⁷⁸

The end of 1947, marked by the monetary reform and abolition of the card system in the Soviet Union, cheered up prisoners of war. What is more, the year 1948 was coming, bringing the promise to complete the process of repatriation. By that time, the nutrition of prisoners of war had significantly improved due to their own earnings. The authority of the USSR, which was able to quickly deal with the post-war devastation, grew immeasurably in the eyes of former Wehrmacht soldiers and officers. By that time, a significant part of them had acquired “steady democratic convictions and a willingness to fight for democratic transformations in their states.” An anonymous survey conducted in the camp in February 1948 showed that 97 % of prisoners of war supported united Germany, 88.5 % of them opposed the policy of the leader of the Socialist Unified Party of Germany Kurt Schumacher, and 91 % prisoners accused the governments of western countries and, above all, the United States of disrupting the London session of the Council of Foreign Ministers.

⁷⁶ Cited in A.L. Kuz'minykh, *Foreign Prisoners of the Second World War in the European North of the USSR (1939–1949): a Monograph* [in Russian] (Vologda: Knizhnoe nasledie, 2005), 193.

⁷⁷ “Protokol № 3 zakrytogo komsomol'skogo sobraniya pri lagere № 220 ot 3 marta 1946 g.” [Minutes No. 3 of the closed Komsomol meeting at Camp No. 220 as of March 3, 1946]. F. 1451, op. 1, d. 482, ll. 13–14. ODSPI GAAO.

⁷⁸ A.A. Polezhaev, *For the New Development of Economy and Culture in Arkhangelsk Oblast: Materials for Lecturers, Speakers and Agitators* [in Russian] (Arkhangelsk: Arkhangel'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1952), 17–19.

In February 1948, by special directive of the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees, anti-fascist committees were formed by means of secret democratic elections in each subcamp. The committees were entrusted with the management of the functionaries and anti-fascist activists. In addition, anti-fascist committees took over the organization of all political and cultural events and managed to make those events regular.

In March 1948, Hungarian prisoners of war held a celebration holiday in Camp No. 211 in honour of the 100th anniversary of the Hungarian bourgeois-democratic revolution. At the ceremonial meeting, a greeting to the Hungarian government was approved. Prisoners of war entered into an employment contract, according to which they pledged to fulfil production standards monthly by no less than 135 %. Among the German prisoners, a campaign was held to collect signatures for the united German Democratic Republic, during which 98.2 % of the signatures for the integrity of the state were collected.⁷⁹

The solution to the problem of forming a “new man” in the camp was reinforced by control over the leisure of prisoners of war. In particular, much attention was paid to cultural work. Premises were allocated for camp clubs and libraries; orchestras, choral and drama circles were organized. In 1945, the amateur troupes of Camp No. 211 performed 6 plays and performed 18 concerts.⁸⁰

In 1945, the camp received a wide-film projector and organized screening of films. The camp film library included Soviet films (*Traktoristy* [Tractor Drivers], *Kak zakalyalas' stal'* [How the Steel Was Tempered], *Kamennyi tsvetok* [The Stone Flower], *Petr I* [Peter the Great], *Admiral Nakhimov*, *Vasilisa Prekrasnaya* [Vasilisa the Beautiful], *Solistka Baleta* [Russian Ballerina] *Parad v Moskve* [Parade in Moscow], *Belyi klyk* [White Fang], *Volga-Volga*, *Tsirk* [Circus], *Pushkin*), foreign films (*Serenada solnechnoi doliny* [Sun Valley Serenade]), and trophy films in German (*Die Frau meiner Träume*, *Die Mörder sind unter uns*, *Berlin*, *Du bist mein Glück*, and *Lache Bajazzo*). Before every screening, the meaning and content of Russian-language films were explained to the prisoners for a better understanding.

Libraries played an important role in cultural work. Books were selected in accordance with the nationalities of prisoners of war. The libraries received Soviet newspapers and magazines *Pravda*, *Izvestia*, *Novyi Mir*, *Novoe Vremya*, as well as German *Nachrichten*, *Tribune*, and *Tägliche Rundschau*. Books were handed out to the prisoners; periodical editions could be read in reading rooms. Files of newspapers were arranged in albums and placed in display windows in the camp club and barracks. At the camp libraries there were literature clubs which organized public readings of fiction. At first the book collection included mostly political literature but

⁷⁹ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 75. RGVA.

⁸⁰ *Ibid*, l. 60.

then it was gradually enriched by fiction. Camp No. 211 established a connection with the Arkhangelsk Oblast Library, which provided the camp with more than 500 copies of fiction books in German. In addition, prisoners were given an opportunity to get acquainted with the works of Russian and Soviet classics: Leo Tolstoy, Ivan Turgenev, Maxim Gorky, Alexei Tolstoy, Mikhail Sholokhov, etc.⁸¹

In the summer of 1945, mass sports work was launched in the camp. In August 1945 alone, 11 football matches were held. Sports events attracted many spectators from among the prisoners who closely followed the course of the game and actively reacted to the successes and failures of one or another team.

In 1947, 12 plays were staged by the amateur troupes of Camp No. 211, including *Revisor* [The Inspector General] by Nikolai Gogol, *Russkii vopros* [The Russian Question] by Konstantin Simonov, et al. In addition, more than 100 concerts were held where folk songs, stories and dances were performed, and 52 film screenings were organised.

In the post-war years particular attention was paid to such form of cultural work as excursions of prisoners of war to city libraries, theatres, circuses, museums. It gave the prisoners an opportunity to form their own understanding of the standard of living in the USSR. Thus, from March to June 1948, Camp No. 211 conducted 7 excursions, in which 145 of the best production workers and activists participated.

Because of the repatriation of non-German, chronically ill, and disabled prisoners of war, and also because 1,200 prisoners of war had been sent to the coal mines of Donbass, by October 1947 the contingent of camp No. 211 reduced to 2,333 persons. In January 1948, the camp included only four subcamps: Subcamp No. 1 at the Solombala Kraft Pulp Mill (in Arkhangelsk) for 900 people; Subcamp No. 2 at the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill (also in Arkhangelsk) for 600 people; Subcamp No. 3 at the naval construction No. 203 (in Molotovsk) for 500 people; and Subcamp No. 4 at the quarry of the construction No. 203 (Raz"ezd Lomovoe halt) for 300 people.⁸²

At the beginning of 1948, 195 sick prisoners were repatriated from the camp and in May 1948 250 more people were repatriated. After that, Subcamp No. 3 in Molotovsk was disbanded and its contingent was transferred to Subcamp No. 2 and Subcamp No. 4. As of June 1, 1948, the camp contained only 1,711 people who were accommodated in three subcamps. 839 people were located in Subcamp No. 1 (the

⁸¹ "Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg." [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 57. RGVA.

⁸² "Prikaz UMVD po Arkhangel'skoi oblasti № 001 'Ob organizatsionnykh izmeneniyakh v sostave lagerya MVD dlya voennoplennykh № 211' ot 5 yanvarya 1948 g." [Order No. 001 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration 'On organizational changes in the POW Camp No. 211 of the Ministry of Internal Affairs' as of January 5, 1948]. F. 3, d. 85, l. 1. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

Solombala Kraft Pulp Mill); 444 people, in Subcamp No. 2 (the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill); 428 people, in Subcamp No. 4 (Raz"ezd Lomovoe halt).⁸³

By order No. 00915 of the Ministry of Internal Affairs as of July 29, 1948, Camp No. 211 was relocated to the town of Vytegra in Vologda Oblast and turned into a security camp for prisoners of war suspended from repatriation due to various reasons (participation in war crimes, service in German intelligence or police, etc.). Subcamp No. 1 at the Solombala Kraft Pulp Mill and Subcamp No. 4 at the quarry were disbanded, and the remaining contingent was concentrated in Subcamp No. 2 at the Arkhangelsk Pulp and Paper Mill with a secondment to Raz"ezd Lomovoe Construction No. 203. By order No. 001240 of the Ministry of Internal Affairs as of October 19, 1948, Subcamp No. 2 was also disbanded.⁸⁴

In general, a comprehensive analysis of the process of the establishment and functioning of the Solombala POW Camp No. 211 allows us to come to a number of general conclusions and make some observations. The most important reason for the formation of prisoner-of-war camps in the Arkhangelsk North was the need for labour in the local economy. In the context of mobilisation of a significant part of the male population to the front, disarmed enemy military personnel became a kind of “donor,” which made it possible to maintain production norms under the conditions of labour shortages. Most prisoners of war in Arkhangelsk and in the surrounding area worked in the kraft pulp and timber processing industries. Their labour was also

⁸³ “Istoriya lagerya voennoplennykh № 211 MVD SSSR. 1944–1949 gg.” [The history of the POW Camp No. 211 of the MVD of the USSR. 1944–1949]. F. 1/p, op. 35a, d. 32, l. 13. RGVA; “Prikaz UMVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0031 ‘O rasformirovanii 3-go lagernogo otdeleniya dlya voennoplennykh № 211 MVD’ ot 6 aprelya 1948 g.” [Order No. 0031 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration ‘On the disbandment of Subcamp No. 3 of the POW Camp No. 211 of the Ministry of Internal Affairs’ as of April 6, 1948]. F. 3, d. 86, ll. 7–8. Arkhiv UMVD Rossii po AO.

⁸⁴ “Prikaz UMVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0066 ‘O reorganizatsii Upravleniya voennoplennymi, nakhodyashchimisya v lagere MVD № 211’ ot 13 avgusta 1948 g.” [Order No. 0066 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration ‘On reorganizing the administration of the POW in the MVD Camp No. 211’ as of August 13, 1948]. F. 3, d. 86, ll. 114–115. Arkhiv UVD Arkhangel'skoi oblasti [Archive of the Internal Affairs Administration for Arkhangelsk Oblast] (Arkhiv UVD AO), Arkhangelsk, Russia; “Prikaz UMVD po Arkhangel'skoi oblasti № 0094 ‘O sozdanii komissii dlya likvidatsii 2-go lagotdeleniya dlya voennoplennykh’ ot 4 noyabrya 1948 g.” [Order No. 0094 of the Arkhangelsk Oblast MVD Administration ‘On the establishment of the commission for the liquidation of the POW Subcamp No. 2’ as of November 4, 1948]. F. 3, d. 86, l. 197. Arkhiv UVD AO; “Prikaz № 429 po Upravleniyu Arkhangel'skogo bumazhnogo kombinata ‘Po osmotru i priemu zhilykh i bytovykh pomeshchenii i inventarya lagerya voennoplennykh, podlezhashchego sdache kombinatu’ ot 18 oktyabrya 1948 g.” [Order No. 429 of the Administration of the Arkhangelsk Paper Mill “On inspection and reception of residential and utility premises and equipment of the POW camp to be delivered to the Mill” as of October 18, 1948]. F. 3543, op. 1, d. 176, l. 274. GAAO.

actively used in industrial and residential construction, shipbuilding, agriculture, and in various ancillary works.

In Soviet captivity, systematic work was carried out on the anti-fascist re-education of prisoners of war. For this, a wide range of forms and methods of agitation and propaganda, persuasion and pressure were actively used. Despite the hardships of captivity, most of the former soldiers and officers of the Nazi army and its allies freed themselves from the ideology of Nazism and militarism, became supporters of the development of their countries along a peaceful and democratic way. At the same time, the prisoners were inspired by the idea of the progressiveness of the Soviet model of social structure, and repatriates were seen as agents of Soviet influence in European countries.

In the severe conditions of military reality, a life support system for prisoners of war was organized so that they received scarce but regular meals and clothing allowance and were provided with medical assistance. Despite the adverse climatic conditions of the Arkhangelsk North, the camp staff managed to preserve the life and health of most prisoners of war and ensure their return to their homeland.

Список литературы

Безбородова И.В. Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену / ответственные редакторы Ю.Н. Афанасьев, С. Карнер. – Москва: РГГУ, 1998. – 208 с.

Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Историко-архивный институт, 1997. – 371 с.

Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). – Владивосток: Дальневосточный университет, 2002. – 228 с.

Букин С.С. Военнопленные в Новосибирске: исторический очерк и документальная коллекция. – Новосибирск: Наука-центр, 2005. – 138 с.

Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. – 337 с.

Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 4: Народ и война / под редакцией В.А. Пронько. – Москва: Наука, 1999. – 366 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорюлько и др.; под редакцией М.М. Загорюлько. – Москва: Логос, 2000. – 1120 с.

Всеволодов В.А. Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). – Москва: Московский издательский дом, 2010. – 388 с.

Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). – Москва: Грааль, 1997. – 248 с.

Джусту М.Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954 / под редакцией М. Талалая, перевод М. Талалая. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 272 с.

Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири, 1943–1950: монография. – Москва: Кучково поле, 2016. – 541 с.

Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942–1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР). – Москва: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. – 350 с.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. – Москва: РГГУ, 2002. – 303 с.

Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. – Москва: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2003. – 432 с.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. – 320 с.

Коротаев В.И. Проблема выживания военнопленных в советских лагерях. На примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 4. – С. 11–18.

Коротаев В.И. Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 гг. на примере лагеря № 211 // Вестник Поморского университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 18–26.

Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). – Иркутск: Сибирь, 1997. – 262 с.

Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Москва: РОССПЭН, 2017. – 591 с.

Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы): монография. – Вологда: Древности Севера, 2016. – 527 с.

Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.): монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – 340 с.

Кузьминых А.Л. Особенности формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена и интернирования в Архангельской области (1944–1948 гг.) // Исторический ежегодник. 2012: Сборник научных трудов / главный редактор А.Х. Элерт. – Новосибирск: Параллель, 2012. – С. 265–288.

Кузьминых А.Л., Мельник Т.Ф. Военнопленные в Молотовске: 1944–1948 годы // Поморский летописец: альманах. Вып. 2. / составитель В.А. Волынская; под редакцией В.Н. Булатова. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2009. – С. 267–287.

Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: очерки и документы: в 2 ч. Ч. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). – Вологда: [Б.и.], 2007. – 504 с.

Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. – Москва: Прогресс, 1994. – 352 с.

Полежаев А.А. За новый подъем экономики и культуры Архангельской области: Материалы для лекторов, докладчиков и агитаторов. – Архангельск: Архангельское областное государственное издательство, 1952. – 84 с.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – Москва: ОГИ–Мемориал, 2001. – 328 с.

Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2000. – 286 с.

Потильчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ: Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, 2004. – 482 с.

Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. – 505 с.

Сульфат. История повседневности. 1930–1960-е годы / редактор-составитель В.И. Коротаев. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010. – 276 с.

Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. – 500 с.

Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – Хельсинки: RME Group Oy; Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 640 с.

Хатанзейская Е.В. Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929–1945 гг. (по материалам Архангельска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2019. – 22 с.

Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 361 с.

Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные на Украине 1939–1953 гг.). – Киев: Парламентское издательство, 2005. – 972 с.

Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1954 гг. – Минск: Тесей, 2003. – 163 с.

Dähler R. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten. – Wien; Berlin: LIT, 2007. – 369 S.

Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee “Freies Deutschland”. – Mainz: Hase&Koehler Verlag, 1981. – 433 S.

Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. – Essen: Klartext-Verlag, 2000. – 486 S.

Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. – Wien; München: Oldenbourg Verlag, 1995. – 270 S.

Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München: Beck, 1986. – 201 S.

Scherstjanoi E. Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten. – Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010. – 304 S.

References

Bezborodova, I.V. *Upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD–MVD SSSR (1939–1953 gg.)* [The Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)]. PhD diss. Institute for History and Archives, 1997. (In Russian)

Bezborodova, I.V. *Voennoplennye vtoroi mirovoi voiny: Generaly vermakhta v plenu* [Prisoners of the Second World War: Wehrmacht generals in captivity], edited by Yu.N. Afanas'ev, S. Karner. Moscow: RGGU, 1998. (In Russian)

Bondarenko, E.Yu. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956)* [Foreign prisoners of war in the Russian Far East (1914–1956)]. Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet, 2002. (In Russian)

Bukin, S.S. *Voennoplennye v Novosibirsk: istoricheskii ocherk i dokumental'naya kolleksiya* [Prisoners of war in Novosibirsk: historical essay and documentary collection]. Novosibirsk: Nauka-tsentr, 2005. (In Russian)

Chaikovskii, A.S. *Plen. Za chuzhie i svoi grekhi (Voennoplennye i internirovannye na Ukraine 1939–1953 gg.)* [Military captivity. For one's own sins and the sins of the others (Prisoners of war and internees in Ukraine 1939–1953)]. Kiev: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2005. (In Russian)

Dähler, R. *Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten*. Vienna; Berlin: LIT, 2007.

Dolgolyuk, A.A., and N.M. Markdorf. *Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Sibiri, 1943–1950: monografiya* [Foreign prisoners of war and internees in Siberia (1943–1950)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. (In Russian)

Dzhusti, M.T. *Ital'yanskije voennoplennye v SSSR, 1941–1954* [Italian prisoners of war in the USSR. 1941–1954]. Edited by M. Talalai, translated by M. Talalai. St Petersburg: Aleteiya, 2010. (In Russian)

Epifanov, A.E. *Stalingradskii plen 1942–1945 gg. (Nemetskie voennoplennye v SSSR)* [The Stalingrad captivity of 1942–1945 (German prisoners of war in the USSR)]. Moscow: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 1999. (In Russian)

Frieser, K.-H. *Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee „Freies Deutschland“*. Mainz: Hase&Koehler Verlag, 1981.

Frolov, D.D. *Sovetsko-finskii plen. 1939–1944 gg. Po obe storony kolyuchei provoloki* [Soviet-Finnish captivity. 1939–1944. On both sides of the barbed wire]. Helsinki: RME Group Oy; St Petersburg: Aleteiya, 2009. (In Russian)

Galitskii, V.P. *Finskie voennoplennye v lageryakh NKVD (1939–1953 gg.)* [Finnish prisoners of war in the NKVD camps (1939–1953)]. Moscow: Graal', 1997. (In Russian)

Hilger, A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext-Verlag, 2000.

Karner, S. *Arhipelag GUPVI: plen i internirovanie v Sovetskom Soyuze: 1941–1956* [The GUPVI archipelago: captivity and internment in the Soviet Union: 1941–1956]. Translated from German by O. Aspisova. Moscow: RGGU, 2002. (In Russian)

Karner, S. *Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956*. Vienna; Munich: Oldenbourg Verlag, 1995.

Katasonova, E.L. *Yaponskie voennoplennye v SSSR: bol'shaya igra velikikh derzhav* [Japanese prisoners of war in the USSR: a great game of great powers]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN; Kraft +, 2003. (In Russian).

Khatanzeiskaya, E.V. *Strategii vyzhivaniya naseleniya v povsednevnoi zhizni sovetskogo goroda, 1929–1945 gg. (po materialam Arkhangel'ska)* [Strategies for survival of the population in everyday life of the Soviet city, 1929–1945 (based on the Arkhangelsk materials)]. PhD thesis. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2019. (In Russian)

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy: Ocherki i dokumenty* [The fate of German prisoners of war in the USSR: diplomatic, legal and political aspects of the problem: Essays and documents]. Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996. (In Russian)

Korotaev, V.I. “Problema sotsialisticheskogo perezovspitaniya voennoplennykh v 1944–1948 gg. na primere lagerya № 211” [The problem of socialist re-education of prisoners of war in 1944–1948 on the materials of camp No. 211]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 1 (2009): 18–26. (In Russian)

Korotaev, V.I. “Problema vyzhivaniya voennoplennykh v sovetskikh lageryakh. Na primere lagerya № 211, 1944–1948 gg.” [The problem of the war prisoners' survival in the Soviet camps on the materials of camp No. 211, 1944–1948]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 4 (2008): 11–18. (In Russian)

Korotaev, V.I., ed. *Sul'fat. Istoriya povsednevnosti. 1930–1960-e gody* [Sulphate. History of everyday life. The 1930s – the 1960s]. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2010. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Arkipelag GUPVI na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [The GUPVI archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)]. Moscow: ROSSPEN, 2017. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.): monografiya* [Foreign prisoners of the Second World War in the European North of the USSR (1939–1949): a monograph]. 2nd ed. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2005. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Osobennosti formirovaniya i funktsionirovaniya sistemy organov i uchrezhdenii voennogo plena i internirovaniya v Arkhangel'skoi oblasti (1944–1948 gg.)” [Peculiarities of formation and functioning of the system of bodies and institutions of military captivity and internment in Arkhangel'sk Oblast (1944–1948)]. In *Istoricheskii ezhegodnik. 2012: Sbornik nauchnykh trudov* [Historical yearbook. 2012: a collection of scientific works], edited by A.Kh. Elert, 265–88. Novosibirsk: Parallel', 2012. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody): monografiya* [Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): a monograph]. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. and T.F. Mel'nik. “Voennoplennye v Molotovske: 1944–1948 gody” [Prisoners of war in Molotovsk: 1944–1948]. In *Pomorskii letopisets: al'manakh* [Pomor chronicler: an almanac], iss. 2, compiled by V.A. Volynskaya, edited by V.N. Bulatov, 267–87. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2009. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L., S.I. Starostin, and A.B. Sychev. *‘Teper' ya pribyl na kraia sveta...’: ocherki i dokumenty: v 2 ch* [‘Now I’ve come to the ends of the world...’: essays and documents: in 2 parts]. Part 1, *Iz istorii uchrezhdenii dlya sodержaniya inostrannykh voennoplennykh i internirovannykh v Vologodskoi oblasti (1939–1949 gg.)* [From the history of institutions of confinement of foreign prisoners of war and internees in Vologda Oblast (1939–1949)]. Vologda: [n.p.], 2009. (In Russian)

Kuznetsov, S.I. *Yapontsy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.)* [The Japanese in Siberian captivity (1945–1956)]. Irkutsk: Sibir', 1997. (In Russian)

Lebedeva, N.S. *Katyn': prestuplenie protiv chelovechestva* [Katyn: a crime against humanity]. Moscow: Progress, 1994. (In Russian)

Lehmann, A. *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion*. Munich: Beck, 1986.

Polezhaev, A.A. *Za novyi pod'em ekonomiki i kul'tury Arkhangel'skoi oblasti: Materialy dlya lektorov, dokladchikov i agitatorov* [For the new development of economy and culture in Arkhangel'sk Oblast: Materials for lecturers, speakers and agitators]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1952. (In Russian)

Polyan, P.M. *Ne po svoei vole...: Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Against their will: the history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI–Memorial, 2001. (In Russian)

Popov, A.B. *Plennye bol'shoi voiny: inostrannye voennoplennye v SSSR v 1941–1945 gg.* [Prisoners of the Great War: foreign prisoners of war in the USSR in 1941–1945]. Rostov-on-Don: Rostovskii universitet, 2000. (In Russian)

Potyl'chak, O.V. *Radyans'kyi viis'kovyi polon ta internuvannya v Ukrayini (1939–1954)*. [Soviet military captivity and internment in Ukraine (1939–1954)]. Kiev: Natsional'nyi pedagogichnyi universytet im. M.P. Dragomanova, 2004. (In Ukrainian)

Pron'ko, V.A., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina, 1941–1945: Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn* [The Great Patriotic War, 1941–1945: Military and historical essays. 4 books]. Bk. 4, *Narod i voina* [The people and war]. Moscow: Nauka, 1999. (In Russian)

Scherstjanoi, E. *Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010.

Sharkov, A.V. *Arhipelag GUPVI: voennoplennye i internirovannye na territorii Belarusi: 1944–1954 gg.* [The GUPVI archipelago: Prisoners of war and internees in the territory of Belarus: 1944–1951]. Minsk: Tesei, 2003. (In Russian)

Sidorov, S.G. *Trud voennoplennykh v SSSR v 1939–1956 gg.* [Labour of prisoners of war in the USSR in 1939–1956]. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 2001. (In Russian)

Surzhikova, N.V. *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Srednem Urale (1942–1956 gg.)* [Foreign prisoners of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956)]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006. (In Russian)

Tsunaeva, E.M. *Uchrezhdeniya voennogo plena NKVD–MVD SSSR (1939–1953 gg.)* [Institutions of military captivity of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010. (In Russian)

Vavulinskaya, L.I. *Spetspereselentsy i inostrannye voennoplennye v Karelii v seredine 1940-kh – seredine 1950-kh gg.* [Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s – mid-1950s]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. *Stupaite s mirom: k istorii repatriatsii nemetskikh voennoplennykh iz SSSR (1945–1958 gg.)*. [‘Go in peace’: to the history of the repatriation of German prisoners of war from the USSR (1945–1958)]. Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2010. (In Russian)

Zagorul'ko, M.M., ed. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Moscow: Logos, 2000. (In Russian)